

ISSN 2658-4158

Studia Religiosa Rossica:
научный журнал о религии

Studia Religiosa Rossica:
Russian Journal of Religion

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

3
2022

Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii
Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion
Journal is included: in the Russian Science Citation Index

Studia religiosa rossica is an academic quarterly in the field of religious studies and adjacent disciplines. It is a forum in current research for scholars in religious studies but also in history, sociology, anthropology, psychology, theology, and other fields of social sciences and humanities, focused on religion. The journal covers a variety of historical periods and geographical regions. The journal publishes original articles and book reviews. The Center for the Study of Religions is one of the major research institutions in this field in Russia, and the journal offers, among other things, opportunities of presenting the Center's research projects and the publications of its students and young scholars.

Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion
Journal is registered by Federal Service for Supervision
of Communications Information
Technology and Mass Media. 17.05.2018, reg. No. FS77-72793

Editorial staff office: 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047
tel.: (495) 250-63-40

e-mail: studia.religiosa@gmail.com

Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

Журнал предназначен для научных и учебно-методических публикаций по религиоведению и смежным научным направлениям. Журнал представляет дискуссионную площадку для религиоведов, а также историков, социологов, антропологов, психологов и представителей других дисциплин, работающих в области изучения религий. Тематика журнала охватывает разные исторические эпохи и географические регионы. Журнал является светским академическим журналом, что предполагает диалог представителей различных научных направлений, включая теологию. Журнал публикует оригинальные статьи и рецензии. Центр изучения религии РГГУ – один из ключевых научных центров в этой области – использует журнал для освещения своей учебной и научной деятельности, презентации своих проектов, в том числе лучших работ магистрантов, аспирантов и молодых ученых.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 17.05.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-72793 от 17 мая 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: (495) 250-63-40

электронный адрес: studies.religiosa@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief
Nikolai Shaburov, Cand. of Sci. (Cultural Studies), professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Editorial Board

Alexander Agadjanian, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Konstantin Antonov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia.

Natalia Bakshi, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Svetlana Dudarenok, Dr. of Sci. (History), professor, Far East Federal University, Vladivostok, Russia.

Ekaterina Elbakian, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian Academy of Education, Moscow, Russia.

Boris Falikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Gasan Guseinov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Svetlana Konacheva, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Veronika Kravchuk, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Nikolai Muskhelishvili, Dr. of Sci. (Psychology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Anatoly Pchelintsev, Dr. of Sci. (Law), Slavic Centre for Law and Justice, Moscow, Russia.

Maxim Pylaev, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Evgenii Rashkovsky, Dr. of Sci. (History), Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Vladislav Razdyakonov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Svetlana Ryzhakova, Dr. of Sci. (History), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ksenia Sergazina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Marianna Shakhnovich, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.

Elena Shapovalova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Anna Shmaina-Velikanova, Dr. of Sci. (Cultural Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Ahmet Yarlykapov, Cand. of Sci. (History), Moscow State University of International Relations, Moscow, Russia.

Ludmila Zhukova, Cand. of Sci. (Cultural Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief-editor*).

Executive editors:

Ekaterina Elbakyan, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian Academy of Education

Anatoly Pchelintsev, Dr. of Sci. (Law), Slavic Centre for Law and Justice

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор
Н.В. Шабуров, кандидат культурологии, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

- А.С. Агаджанян*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- К.М. Антонов*, доктор философских наук, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Бахши*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Г.Ч. Гусейнов*, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
- С.М. Дударенок*, доктор исторических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
- Л.Г. Жукова*, кандидат культурологии, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)
- С.А. Коначева*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.В. Кравчук*, кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.Л. Мухелишвили*, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.В. Пчелинцев*, доктор юридических наук, профессор, Славянский правовой центр, Москва, Российская Федерация
- М.А. Пылаев*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Раздьяконов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Б. Рашковский*, доктор исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН имени Е.М. Примакова, Москва, Российская Федерация

- С.И. Рыжакова*, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация
- К.Т. Сергазина*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.З. Фаликов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.В. Шаповалова*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.М. Шахнович*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
- А.И. Шмагина-Великанова*, доктор культурологии, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Элбакян*, доктор философских наук, Российская академия образования, Москва, Российская Федерация
- А.А. Ярлыкапов*, кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- Е.С. Элбакян*, доктор философских наук, Российская академия образования
- А.В. Пчелинцев*, доктор юридических наук, Славянский правовой центр

Contents

[<i>Preface</i>]	10
Articles	
<hr/>	
<i>Markova E.N.</i> The doctrine of religious security as a justification for the protection and restriction of religious freedom. Two sides of the same coin	13
<i>Pchelintsev A.V., Elbakyan E.S.</i> “In vino veritas...” (“Wine business” – what does religion and religious scholars have to do with it?)	35
<i>Sibireva O.A.</i> Transformation of instruments of pressure on Russian religious associations in the 2000s	58
<i>Ivanenko S.I.</i> Periodization of anti-cultism in post-Soviet Russia	70
<i>Sitnikov M.N.</i> Paradoxes of mission and missionary work	86
<i>Zherebiatev M.A.</i> The decision of the ECHR has been executed. Discriminatory norms remain (the case of the abolition of the 15-year probationary period for religious groups)	101
<i>Odintsov M.I., Pinkevich V.K.</i> History of state-confessional relations in Russia	112

Содержание

[От редактора] 10

Статьи

Маркова Е.Н.

Доктрина религиозной безопасности
как обоснование защиты
и ограничения свободы вероисповедания:
две стороны одной медали 13

Пчелищев А.В., Элбакян Е.С.

«In vino veritas...» («Винное дело» –
причем тут религия и религиоведы?) 35

Сибирева О.А.

Трансформация инструментов давления
на российские религиозные объединения в 2000-е гг. 58

Иваненко С.И.

К вопросу о периодизации истории антикультизма
в постсоветской России 70

Ситников М.Н.

Парадоксы миссии и миссионерства 86

Жеребятьев М.А.

Решение ЕСПЧ исполнено:
дискриминирующие нормы остались
(казус отмены 15-летнего испытательного срока
для религиозных групп) 101

Одинцов М.И., Пинкевич В.К.

История государственно-конфессиональных отношений
в России 112

Уважаемые читатели!

Перед вами третий номер журнала «Studia Religiosa Rossica» за 2022 год. Настоящий номер журнала посвящен проблемам взаимодействия религии, права и государства. Эта, казалось бы, во многом периферийная для религиоведения тема, напрямую сопряженная с социальными реалиями, бытованием религии в светском государстве и судебно-экспертной практикой, на самом деле весьма важна, поскольку экспертная работа религиоведов способна непосредственно влиять на религиозную ситуацию как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах.

Статьи номера, подготовленные религиоведами и юристами, посвящены различным аспектам заявленной темы. Важнейшим из них являются государственно-конфессиональные отношения, то есть взаимоотношения светских и церковных властей, государства и религиозных организаций, складывающиеся на протяжении их исторического сосуществования. В строгом смысле данный термин имеет отношение только к странам с преимущественным распространением христианства, ибо в иудаизме, индуизме, исламе, народностно-национальных религиях религиозная община и государство тождественны, при этом государство понимается как внешняя организация этой общины. Исключение составляет лишь буддизм, одной из основных черт которого является принцип ненасилственного правления. Более того, в этих религиях не существует понятия «церкви».

В рамках христианства, с учетом его разделения на восточное и западное, сложились качественно разные системы отношений церкви и государства, именуемые некоторыми исследователями как «цезарепапизм» и «папоцезаризм». В Византии была провозглашена симфония властей, предполагавшая общность задач церкви и государства при разделении их функций. На практике же, как и в Византии, в России возобладал принцип верховной власти светского правителя над церковью, окончательное оформление которого произошло при Петре I, установившем Синодальную систему управления церковью (цезарепапизм). В Западной Европе церковь являлась более централизованной, возглавлялась папой Римским, с V в. взяла на себя часть политической власти и сохранила независимость. В 494 г. папа Римский Геласий I предложил теорию «двух мечей», согласно которой церковная власть имеет право не только на координацию своих действий с государством, но и на доминирование над ним.

В период европейской Реформации (XVI в.) складывается несколько различных моделей государственно-конфессиональных отношений. В лютеранстве церковная власть подчинена светской в форме власти монарха над церковью, являющейся составной частью его верховенства и его государственной власти. Подчиненность церкви характерна и для англиканства, где светский монарх считается главой церкви. Кальвинизм, напротив, развил теократическое учение о церкви и государстве. С возникновением течений протестантизма «второй волны» – конгрегационализма, баптизма и др., была создана модель полной независимости церковных общин от государства. В современных цивилизованных странах эта модель, предполагающая отделение церкви от государства, гарантию свободы совести и вероисповеданий, толерантное отношение к другим религиям, является наиболее распространенной и оправданной. Данная тема отражена в представленной в предлагаемом номере журнала программе по государственно-конфессиональным отношениям, подготовленной М.И. Одинцовым и В.К. Пинкевичем.

Свобода совести и свобода вероисповеданий, как известно, – важнейшие составляющие гуманитарных свобод современного человека, защищающие суверенитет и автономию личности, означающие его право осуществлять свободный выбор тех или иных религиозных убеждений, быть безразличным к религии или вести атеистическую пропаганду. Данные принципы опираются на несколько оснований: толерантность (в том числе веротерпимость); отделение государства и науки от религиозных организаций; свободный выбор убеждений и свободное следование им; свободное распространение своих убеждений; свобода творчества; равенство всех религий и идеологических систем перед законом.

Идеи свободы совести и отделения религии и церкви от государства получили широкое распространение в рамках протестантизма. Так, уже в «Аугсбургском исповедании» (лат. «Confessio Augustana», нем. «Augsburgische Konfession»), написанном Ф. Меланхтоном при непосредственном участии М. Лютера, содержится идея разделения церковной и светской властей. Со ссылкой на евангельские тексты указывается на недопустимость претензий церкви на светскую власть (статья XXVIII «О церковной власти (о епископских полномочиях)». Просвещение XVIII в., интенсифицируя секуляризационные процессы в Западной Европе, дало мощный толчок развитию и углублению идей свободомыслия и формированию принципов свободы совести, основное содержание которой раскрыто в ряде международных документов – во Всеобщей декларации прав человека (ст. 18), в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 18), в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свободах (ст. 9).

В Российской империи существовала господствующая церковь, и принципы свободы совести и свободы вероисповеданий не реализовывались и не провозглашались до императорского Указа «О веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., согласно которому всем российским подданным предоставлялось право исповедовать любое вероучение. Формально эти принципы были провозглашены и в советский период, однако на практике властью проводилась политика государственного атеизма, включающая в себя религиозные гонения с прямым ущемлением прав религиозных организаций и верующих. В ныне действующей Конституции РФ закреплено право граждан на свободу совести. Так, согласно ст. 28, каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125-ФЗ от 26 сентября 1998) подтверждает право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также декларирует равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством. Этой теме посвящена статья О.А. Сибиревой.

Вместе с тем в повседневной жизни приходится нередко наблюдать нарушения этих ключевых принципов, чему во многом способствовало создание и развитие в России так называемого антикультурного движения (ему посвящена статья С.И. Иваненко) и востребованность судебной и внесудебной религиозно-экспертной экспертизы (статья А.В. Пчелинцева и Е.С. Элбакян освещает проблему на примере одного из экспертных казусов, касающихся отношения к вину в христианстве).

В последние несколько лет заметно возросло количество судебных процессов, связанных с «незаконным» миссионерством, чему посвящена статья М.Н. Ситникова.

Важнейшей темой, связанной с проблемами существования религии и религиозных организаций в современной России, является т. н. религиозная безопасность, явившаяся предметом рассмотрения в статье Е.Н. Марковой. А статья М.А. Жеребятьева посвящена решениям Европейского суда по правам человека и их реализации в практике повседневной жизни российских религиозных организаций и верующих граждан.

Редакционная коллегия журнала и авторы номера надеются, что этот очередной выпуск журнала будет интересен всем, кто решит с ним познакомиться.

Екатерина Элбакян

УДК 342.731

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-13-34

Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали

Елена Н. Маркова

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, e_markova@law.msu.ru*

Аннотация. В статье анализируется доктрина религиозной безопасности как элемент национальной безопасности, в том числе отмечается, что формального четкого закрепления в стратегических государственных документах эта доктрина не получила, но на практике это приводит к расширительному толкованию религиозной безопасности с опорой на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. Также в работе показано, как аргумент о религиозной безопасности может быть использован как в пользу защиты такой безопасности и религиозной свободы, так и в качестве цели введения серьезных ограничений прав и свобод. На основе анализа автор приходит к выводу о недопустимости использования абстрактной, формально не определенной категории религиозной безопасности в качестве одного из критериев соразмерности ограничительных мер. Также в статье рассматриваются причины, по которым единственным способом, найденным государством, является объявление всей религиозной сферы потенциально опасной, анализируется действующее законодательство, которое направлено на защиту государства, общества, религиозных организаций и граждан, но часто приводит к подавлению нетрадиционных религиозных объединений под видом защиты религиозной безопасности.

Ключевые слова: религия и право, свобода вероисповедания, доктрина безопасности, государственная безопасность, религиозная безопасность, ограничение прав человека

Для цитирования: Маркова Е.Н. Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 13–34. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-13-34

© Маркова Е.Н., 2022

The doctrine of religious security as a justification for the protection and restriction of religious freedom. Two sides of the same coin

Elena N. Markova,

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia, e_markova@law.msu.ru*

Abstract. The paper analyzes the doctrine of religious security among other things it is noted the this doctrine was not formally consolidated in strategic state documents, but in practice that results in an expansive interpretation of religious security based on the National Security Strategy of the Russian Federation. The paper also shows how the argument about religious security can be used both in favor of protecting such security and religious freedom, and as a goal of introducing serious restrictions on rights and freedoms. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that it is unacceptable to use an abstract formally indefinite category of religious security as one of the criteria for the proportionality of restrictive measures.

The article focuses on the reasons of why the only way found by the state is to declare the entire religious sphere potentially dangerous as well as it analyzes current legislation that aims to protect state, society, religious organization and citizens, but often leads to suppressing non-traditional religious associations under the guise of protecting religious security.

Keywords: religion and law, freedom of religion, security doctrine, state security, religious security, restriction of human rights

For citation: Markova, E.N. (2022), "The doctrine of religious security as a justification for the protection and restriction of religious freedom. Two sides of the same coin", *Studia Religiosa Rossica: a scientific journal about religion*, no. 3, pp. 13–34, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-13-34

Какая безопасность?

Россия известна как государство, в котором возникла идея о необходимости разработки и принятия доктрины религиозной безопасности как необходимого элемента системы национальной безопасности.

Впервые в России заговорили о религиозной безопасности в контексте национальной безопасности в середине 90-х годов XX в. Примером может служить постановление Государственной Думы «Об обращении Государственной Думы «К Президенту Российской Федерации об опасном воздействии некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России»»

от 15 декабря 1996 г. № 918-П ГДЗ¹. В обращении, в частности, говорилось, что «религиозная безопасность российского общества должна рассматриваться как важный приоритет национальной безопасности, наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной безопасностью».

С тех пор доктрина религиозной безопасности занимает умы ученых самых разных специальностей и специализаций, в том числе и юристов². В базе научной электронной библиотеки Elibrary можно насчитать более 1700 работ, посвященных доктрине религиозной безопасности или ее отдельным аспектам. Между тем ясности в понимании, что же конкретно следует понимать под религиозной безопасностью, нет, а разнообразие подходов в научной литературе свидетельствует лишь о субъективном восприятии идеи религиозной безопасности.

Следует отметить, что Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ³ закрепляет открытый перечень видов национальной безопасности: безопасность *государства*,

¹ Постановление Государственной Думы «Об обращении Государственной Думы “К Президенту Российской Федерации об опасном воздействии некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России”» от 15 декабря 1996 г. № 918-П ГДЗ1 // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 52.

² См., например: *Иванова Е.В., Килимчишк Е.В.* Религиозная безопасность в обеспечении идеологической безопасности России // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7. С. 519–521; *Овчинников А.И., Фоминская М.Д.* Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-bezopasnost-rossii-i-rol-prava-v-ee-obespechenii> (дата обращения 13.04.2022); *Тарасевич И.А.* Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/1-1-religioznaya-bezopasnost-kak-klyuchevaya-sfera-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения 13.04.2022); и др. По теме религиозной безопасности защищены диссертации, см., например: *Козлов С.В.* Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. 138 с.; *Сластилина Ю.В.* Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 215 с.; *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. 376 с.

³ Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность *личности и другие* виды безопасности.

Хотя определение религиозной безопасности не упоминается в законодательстве как отдельный особый вид национальной безопасности, во многих официальных документах Российской Федерации, определяющих стратегию государства в различных сферах, подчеркивается важность религиозной безопасности.

В целях стратегического планирования в Российской Федерации была разработана и принята система нормативных актов «концепция, доктрина, стратегия», единообразное использование которой на различных уровнях и отраслях стратегического планирования должно обеспечить выработку и реализацию согласованных целей государственного и муниципального управления⁴.

К сожалению, приходится констатировать, что в использовании таких базовых понятий как «стратегия», «доктрина», «концепция» отсутствует консенсус, поскольку в зависимости от сферы применения синонимичный ряд «стратегия, доктрина, концепция» наполняется примерно одним и тем же содержанием. Так, были утверждены доктрины информационной⁵, продовольственной⁶, энергетической безопасности⁷; стратегия экономической безопасности⁸; основы государственной политики в области международной информационной безопасности⁹, в области обеспечения химической и биологической безопасности¹⁰, а также ядерной

⁴ Вектор развития такой системы заложен Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26. Ст. 3378.

⁵ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁶ Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

⁷ Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

⁸ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

⁹ Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СЗ РФ. 2021. № 16. Ст. 2746.

¹⁰ Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения

и радиационной безопасности¹¹; концепция общественной безопасности¹² и др.

Несмотря на то что такие обилие документов, посвященных тем или иным аспектам безопасности, призвано конкретизировать понятие национальной безопасности, что является принципиально важным вопросом в том числе и для юридической аргументации государства при введении ограничений прав человека¹³, оно таит в себе еще и риск размывания самого понятия безопасности в противоположность методологическому принципу (бритве Оккама), согласно которому «не следует множить сущее без необходимости».

Кроме того, ни в одном из перечисленных документов не содержится даже упоминания религиозной безопасности (!), что еще больше актуализирует поиск ответа на вопрос, а что же все-таки следует понимать под доктриной религиозной безопасности.

После конституционной реформы 2020 г., которая «подкинула» новые темы для анализа государственно-конфессиональных отношений в России, в 2021 г. была обновлена также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹⁴. В Стратегии 2021 г. дана дефиниция национальной безопасности как определенное состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от *внешних и внутренних* угроз, а национальные интересы, в свою очередь, определены как объективно значимые потребности *личности, общества и государства* в безопасности и устойчивом развитии. Кроме того, в стратегии отмечается, что

химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // СЗ РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

¹¹ Указ Президента РФ от 13 октября 2018 г. № 585 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // СЗ РФ. 2018. № 42. Ст. 6447.

¹² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения 13.04.2022).

¹³ Права человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других людей, а также для обеспечения обороны страны и *безопасности государства* (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

¹⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

национальная безопасность обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов, в том числе и для «защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (п. 27).

Почему же религиозная безопасность рассматривается как элемент национальной безопасности? И почему ей уделяется такое пристальное внимание в России¹⁵? Представляется, что такое трепетное отношение к религиозной безопасности в России можно объяснить тремя основными причинами, в основе которых заложен определенный страх государства:

1. *Транснациональный религиозный плюрализм как угроза целостности России и современный тренд на «суверенизацию» религий в границах государства.* Представляется, что в основе попыток разработать доктрину религиозной безопасности лежит *страх государства быть разделенным*, когда религиозный плюрализм, особенно в случае транснациональных религий, воспринимается, по сути, уже сам по себе как угроза государственному суверенитету и целостности.

Удивительно, но в этой связи нередко в литературе вспоминают цитаты Геббельса, который в 1941 г., разрабатывая планы уничтожения СССР, писал: «Мы можем сокрушить Красную Армию, мы можем отнять у них огромные территории, мы можем остановить их заводы, но пока мы не поставим в каждой деревне своего священника, пока мы не разделим их по вере, этот народ в любом случае сможет восстать из пепла»¹⁶.

Цитаты времен Великой Отечественной войны¹⁷, безусловно, усиливают эмоциональное восприятие текстов об угрозах рели-

¹⁵ Пожалуй, кроме России, только одна страна идет по своеобразному пути защиты так называемой религиозной безопасности – это Китайская Народная Республика. Ср.: *Нагуслева Е.А.* Религиозная политика в современном Китае // Вестник БГУ. 2018. № 4–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-politika-v-sovremennom-kitae> (дата обращения 04.05.2022).

¹⁶ Цит. по: *Никифоров А.К.* Молчанием предается Бог. Воронеж: Издат. отдел Воронежско-Липецкой епархии, 2002. С. 60.

¹⁷ «В наших интересах, – сказал Гитлер, – чтобы в каждой деревне была своя секта, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае шаманские культы возникнут в отдельных деревнях, таких как негритянские или индейские, мы могли бы только приветствовать это, потому что это только увеличило бы количество факторов, которые разделяют российское пространство на мелкие единицы» (цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки, документы, материалы. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 62–72).

гиозной безопасности, однако заставляют также, задуматься, насколько в современном мире информационных технологий и открытых границ можно удержать или искусственно сдерживать «религиозную миграцию».

2. *Россия как новый рынок религий в посткоммунистическом мире.* С распадом СССР, когда официальный атеизм сменился невероятным потоком религиозных идей, Россия, бесспорно, представляла «лакомый кусок» для иностранных миссионеров иностранных религиозных объединений, кроме того, со временем появился также устойчивый и не всегда обоснованный *страх перед т. н. религиозными организациями со скрытой повесткой* (политическое влияние, мошенничество и манипуляции, терроризм и экстремизм). В этой связи тема религии, «отягощенная иностранным элементом», зачастую воспринимается как мощный геополитический инструмент и инструмент внешней разведки. Не преуменьшая существующую проблему, следует тем не менее отметить, что такой подход может привести к несоразмерному контролю над религиозными организациями и даже повлечь религиозные преследования (по признаку принадлежности к религиозной общине, а не в рамках привлечения к ответственности за конкретные противоправные нарушения).

3. *Защита «традиционных российских духовно-нравственных ценностей».* Тезис о необходимости защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей провоцирует полемику, которая отчасти напоминает давнюю дискуссию об использовании понятия так называемых традиционных религий [Пчелинцев 2012; Шахов 2020]. Примечательно, что толкование традиционных ценностей, как правило, осуществляется через противопоставление и *страх перед нетрадиционной идеологией и ценностями*, но и в таком контексте не отвечает критериям правовой определенности.

Все перечисленные «страхи» прямо обозначены и в официальных документах.

Анализ Стратегии национальной безопасности позволяет обозначить три столпа, на которых выстраивается доктрина религиозной безопасности в России и, соответственно, практически все законодательство в религиозной сфере: 1) религиозная безопасность служит барьером для религиозной экспансии в России и появления новых религиозных движений; 2) религиозная безопасность препятствует развитию деструктивного культа и запрещает религиозный экстремизм; 3) религиозная безопасность ограничивает деятельность иностранных миссионеров и верующих иных «иностранных религий» и в то же время создает условия для

деятельности «традиционных» религий. Тем не менее на практике термин «религиозная безопасность» используется зачастую избирательно и в расширительном понимании.

Безопасность какой религии?

В условиях, когда религиозная безопасность официально не закреплена как цельная доктрина, наметилась стабильная тенденция, когда в иных стратегических документах религиозной сфере уделяется все больше и больше внимания. При этом можно даже проследить динамику увеличения количества идеологических установок в текстах таких официальных документов.

Если ранее только Концепция национальной безопасности РФ 2000 г. провозглашала необходимость противодействия иностранным миссионерам и «культурно-религиозной экспансии на территорию России со стороны других государств», то в 2016 г. Доктрина информационной безопасности России содержала в себе целое положение о том, что религиозные организации могут использоваться спецслужбами «отдельных государств средств(-ами. – *Ред.*) оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств... Нарастает информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Наконец, Стратегия национальной безопасности 2021 г. уделяет пристальное внимание религиозной сфере, описывая «во всех красках» все возможные угрозы в настоящее время:

- отмечается, что все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, *религиозные устои*, институт брака, семейные ценности, а проблемы межнациональных и *межконфессиональных* отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть (п. 85);
- прямо обозначен круг субъектов, которые представляют опасность: традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападениям со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, *иностранных* некоммерческих неправительственных, *религиозных*, экстремистских и террористических *организаций*. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое

- и общественное сознание путем распространения *социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации* (п. 87);
- делается акцент на задачу укрепления «культурного суверенитета», сохранение единого культурного пространства и необходимость защиты от «вестернизации», а также от угрозы разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов (п. 88, 93);
 - снова используется спорный термин «*традиционные для России конфессии*», которые «подвергаются дискредитации» и нуждаются в поддержке и обеспечении их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, гармонизацию российского общества, распространение культуры межконфессионального диалога, противодействие экстремизму (п. 89, 93);
 - провозглашается необходимость защиты российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, недопущение распространения продукции экстремистского содержания и религиозной нетерпимости (п. 93).

Как отметил Р.Н. Лункин в своей статье с говорящим названием «Доктрины безопасности от религии», «единственный выход, который нашло государство, – объявить всю религиозную сферу потенциально опасной»¹⁸. Но в первую очередь «под удар», если следовать логике Стратегии национальной безопасности 2021 г., подпадает деятельность «нетрадиционных» для российского общества религиозных объединений, но при отсутствии четкого определения это толкование полностью зависит от органов публичной власти. Тем не менее стоит напомнить, несмотря на то что уже по сложившемуся обыкновению вспоминают в этой связи преамбулу Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁹, зачастую забывают, что в этой преамбуле признается не только «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и отмечены не только христианство, ислам, буддизм, иудаизм, но *и другие религии*, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [Шахов 2020].

¹⁸ Лункин Р.Н. Доктрины безопасности от религии: Верующие стали главным раздражителем для российских власти и общества // НГ религии. 21.12.2016. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2016-12-21/5_412_doctrina.html (дата обращения 13.04.2022).

¹⁹ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

Неловко читать в стратегическом документе светского государства, закрепившего принцип равноправия всех религиозных объединений, положения о том, что только некоторые конфессии заслуживают особую защиту и поддержку со стороны государства. Это поднимает проблему религиозной дискриминации и профилирования на новый уровень и на практике приводит к ситуации, когда все «нетрадиционные» религиозные организации признаются одной из возможных угроз современному обществу, поскольку они представляют угрозу конституционному строю, суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, общественным отношениям в стране.

Парадоксально, но, несмотря на то что, казалось, вопрос о невозможности использования понятия «нетрадиционные религии» в светском многоконфессиональном государстве давно решен в праве, все равно встречаются предложения наделить «отдельные религиозные сообщества особым юридическим статусом, традиционным на данном этапе развития российского общества», поскольку это «крайне важно для укрепления религиозной, а значит, и национальной безопасности России» [Тарасевич 2012, с. 28–34]. Неюридическая категория внедряется в общественное сознание и служит моральным оправданием явного предпочтения именно этим религиям со стороны государства [Мартышин 2021, с. 203].

В рамках российской прокурорской практики и проверок Министерства юстиции РФ все эти ограничения могут очень широко толковаться. Законодательные инициативы в России являются лучшим примером византийского лукавства и того, как в стране с французским определением светскости и отделением религии от государства в Конституции можно поддерживать одну конфессию, выборочно проверять и ограничивать другие, лавируя между разными влиятельными группами и церквями [Пчелинцев, Загребина, Лункин 2017, с. 20–21].

С другой стороны, возникает также и проблема запрета (отмены) некоторых религий (религиозных учений, а не религиозных объединений), представляющих угрозу безопасности. Так, например, законы субъектов в нескольких регионах, включая Ингушетию, Кабардино-Балкарию и Дагестан²⁰, запрещают «экстремистский исламский ваххабизм» на территориях этих республик, но не определяют этот термин²¹.

²⁰ См., например: Закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Дагестанская правда. 1999. 24 сент. № 198.

²¹ *Приймак А.* Неуязвимый ваххабизм // НГ религии. 19 октября 2016 г. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2016-10-19/6_vahhabism2.html (дата обращения 13.04.2022).

Еще «интереснее» ситуация обстоит, когда в совместном Распоряжении Генпрокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ от 16 декабря 2008 г. «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма»²² можно встретить перечень объединений, у последователей которых имеются экстремистские проявления. Принимая подобные акты в «просветительских» целях (сотрудники правоохранительных органов без специальных религиозоведческих знаний действительно часто считают опасными все не известные им, а значит, нетрадиционные религии), такое упоминание религиозных объединений таит в себе риск стигматизации, профайлинга и преследования их последователей.

Чья безопасность?

Использование термина «религиозная безопасность» заставляет также задуматься над вопросом о том, а кого тут надо защищать – чью безопасность государство призывает и берет на себя обязательство охранять от внешних и внутренних угроз? Можно предположить, что речь идет о государственной, общественной, коллективной и индивидуальной религиозной безопасности.

1. *Государственная религиозная безопасность.* Одним из основных источников угроз государственной безопасности принято считать экстремистскую деятельность, в том числе религиозных организаций, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, направленную на разрушение единства и территориальной целостности Российской Федерации. Однако, к сожалению, в России Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²³ превратился в инструмент для выборочной дискриминации [Пчелинцев, Загребина, Лункин 2017, с. 20–21, 141–172].

²² Распоряжение Генпрокуратуры РФ № 270/27р, МВД РФ № 1/9789, ФСБ РФ № 38 от 16 декабря 2008 г. «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» // СПС Консультант Плюс. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256993/> (дата обращения 13.04.2022).

²³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Относительно новой для Российской Федерации стала практика включения ряда религиозных организаций в перечень тех, чья деятельность признана нежелательной на территории России, поскольку деятельность таких организаций представляет угрозу основам конституционного строя и безопасности РФ, однако в чем заключается эта угроза, не расшифровывается. Признание деятельности какой-либо организации нежелательной означает, что эта организация не сможет создавать на территории России свои подразделения и должна прекратить деятельность уже существующих, а любое сотрудничество с ней становится административным правонарушением, а в некоторых случаях – и уголовным преступлением.

С точки зрения защиты от внешних угроз и в контексте современной дискуссии о культурном суверенитете возникает вопрос, насколько правомерно также говорить о религиозном (духовном) суверенитете²⁴ (как части культурного), особенно в таком многоконфессиональном светском государстве, как Россия.

Понятие «культурный суверенитет Российской Федерации» впервые было закреплено в Стратегии национальной безопасности РФ 2015 г. как фактор, способствующий «укреплению национальной безопасности в области культуры». Указан и механизм его обеспечения: «Принятие мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия».

При этом в результате конституционной реформы 2020 г. в Конституцию РФ внесены изменения, наводящие на размышления. С одной стороны, *культура* в Российской Федерации, являясь уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством (ч. 4 ст. 68). С другой стороны, государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации (*культуры?* – Примеч. автора), гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ч. 3 ст. 69).

Тем не менее представляется, что использование термина «религиозный суверенитет» не только некорректно, но и недопустимо с точки зрения принципа светскости и запрета вмешательства в религиозную автономию личности и религиозных объединений.

²⁴ *Байдиков К.Г.* Духовный суверенитет как ценность российской государственности // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-suverenitet-kak-tsennost-rossiyskoy-gosudarstvennosti> (дата обращения 13.04.2022).

2. *Общественная религиозная безопасность*²⁵. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) рассматривает общественную безопасность как часть национальной безопасности Российской Федерации и понимает ее как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и *духовных ценностей общества* от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Общественная безопасность – понятие «резиновое» и включает в себя охрану общественных отношений, которые не являются правоотношениями, а также не имеют элементов исполнения государственно-властных полномочий, что позволяет говорить о том, что общественная безопасность лишь частью входит в понятие национальной безопасности, ей присущи и иные подвиды, выходящие за рамки национальной безопасности, не регулируемые конституционно-правовыми нормами и выходящие за пределы понимания содержания фактической конституции [Федотова 2014].

Предотвращение распространения экстремистской информации, пропаганды насилия и религиозной нетерпимости в целях обеспечения общественной безопасности можно признать классическими примерами.

Тем не менее расплывчатое и чересчур обширное понимание общественной безопасности зачастую приводит к смешению этого понятия как с государственной безопасностью, так и с общественным порядком.

Так, Конституционный суд РФ в деле о запрете создания политических партий по признакам национальной или религиозной принадлежности отметил, что в условиях сохраняющейся напряженности межэтнических и межконфессиональных отношений, а также возрастающих политических претензий со стороны современного религиозного фундаментализма, привнесение в сферу политики (а значит, в сферу борьбы за власть) дифференциации по религиозному признаку, которая может приобрести и национальный оттенок, чревато расколом общества на национально-религиозные составляющие (в частности, на славянско-христианскую

²⁵ Некоторые авторы предлагают рассматривать религиозную (духовную) безопасность в рамках понятия и вида общественной безопасности «в связи со специфической сферой реализации общественных отношений и интересов индивида и социальных групп по реализации и защите права на свободу вероисповедания». См., например: *Федотова Ю.Г.* Понятие и элементы религиозной безопасности // Юридический мир. 2015. № 10. С. 59.

и тюркско-мусульманскую)²⁶. Представляется, что в таком аспекте религиозные партии представляют угрозу и государственной, и общественной безопасности.

В другом же деле Конституционный суд РФ признал необходимость проведения публичных богослужений, других религиозных обрядов и церемоний в публичных местах (в том числе на открытом воздухе или в нежилых помещениях) в порядке, установленном для проведения митингов, демонстраций и шествий²⁷, а значит, органы публичной власти обязаны принимать необходимые меры для обеспечения общественного порядка на таких мероприятиях. Так, обеспечивать безопасность проводимых на территории Российской Федерации религиозных мероприятий обязаны органы федеральной службы безопасности, в том числе участвовать в пределах своих полномочий совместно с другими государственными органами в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности».

Интересно, что иногда даже принимаются рекомендации органам публичной власти под конкретные «религиозные мероприятия». Так, были утверждены, например, Методические рекомендации по организации обеспечения безопасности людей при проведении Крещенских купаний на водных объектах²⁸.

²⁶ Постановление Конституционного суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона “О политических партиях” в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации “Православная партия России” и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50770/ (дата обращения 13.04.2022).

²⁷ Постановление Конституционного суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138978/ (дата обращения 13.04.2022).

²⁸ См.: Методические рекомендации по организации обеспечения безопасности людей при проведении Крещенских купаний на водных объектах. Утверждены Врио заместителя Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий 11 января 2019 г. № 2-4-71-1-29 // СПС Консультант Плюс. URL: <https://legalacts.ru/doc/>

Что касается внешних угроз, то защита от внешней экспансии, разрушающей традиционные российские религиозные и нравственные ценности в целях обеспечения общественной религиозной безопасности, демонстрирует не только проблему, но и определенный раскол в самом обществе. Неслучайно Минкультуры приостановило обсуждение проекта по укреплению традиционных ценностей в России, к которому поступило более 1,5 тыс. замечаний²⁹.

3. *Безопасность религиозных объединений или групп верующих.* Говоря о *внутренних* угрозах, безусловно, государство должно обеспечить безопасность религиозных общин от совершения преступлений на почве ненависти в отношении религии или убеждений. В целях религиозной безопасности были криминализованы деяния, которые посягают на Бога, порядок отправления религиозных культов, направленные против священнослужителей, самих религиозных организаций, их собственности, святынь³⁰.

В целях безопасности установлены требования по борьбе с терроризмом, предъявляемые к местам отправления культа, в том числе утверждены паспорта безопасности объектов (территорий) религиозных организаций³¹.

Но должно ли государство заботиться о религиозной автономии российской религиозной организации и защищать ее от иностранного вмешательства и иных *внешних* угроз?

metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-obespechenija-bezopasnosti-liudei-pri-provedenii/ (дата обращения 13.04.2022).

²⁹ Проект указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», разработанный Минкультом, был опубликован для общественного обсуждения в декабре 2021 г. В пояснительной записке к нему говорится, что документ разработан в соответствии со Стратегией национальной безопасности. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2022/6209f4929a7947564896f881?ysclid=l3yreqblz3> (дата обращения 13.04.2022).

³⁰ Подробнее см.: *Старков О.В., Башкатов Л.Д.* Криминотеология: религиозная преступность / Под общ. ред. О.В. Старкова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 386 с.

³¹ Постановление Правительства РФ от 5.09.2019 № 1165 «Об утверждении требований антитеррористической защищенности объектов (территорий) религиозных организаций и об утверждении паспорта безопасности объектов (территорий) религиозных организаций» // СЗ РФ. 2019. № 37. Ст. 5175.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает ряд ограничений для иностранных граждан на территории РФ: они не могут быть учредителями религиозного объединения, включая религиозную группу, приобретать членство в таком объединении и, соответственно, не могут входить в состав руководящих органов религиозного объединения. Однако представляется, эти ограничения могут быть оправданы как раз целью обеспечения государственной безопасности (а не самого религиозного объединения), что нельзя сказать про новые требования переобучения и переаттестации духовенства, получившего религиозное образование за рубежом.

С 2021 г. прошедшие профильное обучение в зарубежных образовательных центрах священнослужители и религиозный персонал обязаны пройти обучение в российских духовных образовательных организациях высшего образования соответствующей конфессиональной принадлежности и переаттестацию до начала богослужения и совершения других обрядов и церемоний, а также осуществления миссионерской или преподавательской деятельности в России (п. 5 ст. 24 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Не вполне понятно, какую и кому (государству, обществу или самому религиозному объединению) угрозу несут представители такого духовенства? Вряд ли в принципе можно признать допустимым вмешательство во внутренние дела религиозного объединения ради его же безопасности. Представляется, что в условиях, когда государство не в состоянии предоставить доказательства реально го риска безопасности, такие ограничения следует признать непропорциональными.

4. *Индивидуальная религиозная безопасность.* Не вызывает сомнения, что государство обязано обеспечивать религиозную безопасность личности, если понимать ее как необходимость защищать абсолютную внутреннюю свободу религии (*forum internum*) от незаконного прозелитизма и иных религиозных преступлений. Тем не менее актуален вопрос о том, что предполагает религиозная безопасность личности – *защиту религии* (религиозных убеждений) *или от религии?*

Так, активное использование в аргументации понятия «традиционные ценности», особенно в преломлении через другое понятие «традиционные конфессии» таит в себе опасность религиозной цензуры и дискриминации по религиозным основаниям. Можно ли, например, принимать решение о месте жительства ребенка при разводе родителей только на основании, что один из них «нетрадиционной конфессии», руководствуясь необходимостью защиты религиозной безопасности ребенка? Уже сейчас можно наблюдать

предложения, например, РПЦ закрепить в законе традиционные ценности как критерий для судебных решений³², в отсутствие формально-правового определения понятия представляется, что это противоречит конституционному принципу правовой определенности.

Что касается защиты граждан от внешних угроз, то изменения регулирования миссионерской деятельности представляют собой наглядный пример того, как государство пытается оградить своих граждан от иностранного религиозного влияния. Например, иностранные граждане, законно находящиеся на территории России, вправе осуществлять миссионерскую деятельность публично от имени религиозной организации только на территории субъекта РФ в соответствии с территориальной сферой деятельности указанной религиозной организации при наличии документа, а «нежелательный» иностранный гражданин лишен права на осуществление миссионерской деятельности.

Вместе с тем неправомерно утверждать, что религиозная безопасность может быть использована как аргумент не только в целях ограничения прав иностранных граждан, но и в качестве обоснования их защиты. Так, иностранцу, ищущему защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности за общественно-политическую деятельность *и убеждения*, может быть предоставлено убежище в Российской Федерации.

* * *

Доктрина религиозной безопасности выводится из контекста стратегических документов, посвященных разным аспектам национальной безопасности, и позволяет по сути избирательно использовать ее применительно к разным, порой даже противоположным, ситуациям в качестве аргумента для оправдания того или иного законодательного регулирования.

Это хорошо видно на примере Воронежской области – единственного субъекта РФ, где на уровне регионального закона было использовано понятие религиозной безопасности, причем применительно к неочевидному субъекту. Закон Воронежской области «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства»³³ содержит

³² РПЦ призвала проверять решения судов на соответствие традиционным ценностям. 2 июня 2022 г. URL: <https://ria.ru/20220602/tsennosti-1792595223.html> (дата обращения 13.06.2022).

³³ Закон Воронежской области от 2 августа 2000 г. № 176-П-ОЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/18107223/> (дата обращения 13.04.2022).

статью 17 «Религиозная безопасность семьи», согласно которой в государственных и муниципальных образовательных и медицинских учреждениях не допускается распространение и пропаганда оккультно-мистических, псевдонаучных учений и деятельности тоталитарных, деструктивных религиозных организаций. Кроме того, эта статья регулирует доступ религиозных организаций в светские учебные заведения. Религиозной организации разрешается обучать детей религии вне рамок образовательной программы, но это возможно только а) по согласованию с соответствующими органами местного самоуправления и б) по просьбе родителей и с согласия детей.

Таким образом, религиозная безопасность может быть использована как аргумент в пользу защиты индивидуальной или коллективной религиозной свободы, так и как допустимая цель ее ограничения. И если это не вызывает правовых проблем в случае объяснения необходимости предоставления защиты верующим или религиозным объединениям, то с точки зрения обоснования ограничительной меры категория религиозной безопасности вызывает сомнения.

Является ли религиозная безопасность законной целью вмешательства в права человека?

Конституция Российской Федерации, закрепляя перечень публичных интересов, для защиты которых права человека могут быть ограничены, использует категорию «безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», дублируя это конституционное положение, также закрепляет, что «право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях ... безопасности государства» (п. 2 ст. 3).

Представляется, что государственная безопасность (государственная стратегическая безопасность), предполагающая угрозу существования Российской Федерации в качестве единого и целостного государства, должна толковаться именно в этом узком понимании. Использование категории национальной безопасности подменяет конституционное понятие «государственная безопасность», что в результате ведет к неограниченному расширительному толкованию и размножению субкатегорий безопасности, в том числе выделению общественной безопасности

(безопасности отдельного человека, определенной социальной группы и общества в целом), не упомянутой в Конституции РФ³⁴.

Примечательно, что в Европейской конвенции по правам человека национальная безопасность вообще не упоминается в статье 9 как легитимная цель ограничения свободы исповедовать религию, вместо этого, напротив, упоминаются интересы общественной безопасности и охрана общественного порядка. На то, что в отличие от ряда других прав и свобод, гарантируемых, в частности, статьями 8, 10, 11, никакого лимитирования свободы религии по соображениям «национальной безопасности» Европейская конвенция не устанавливает, обращал внимание Уполномоченный по правам человека О. Миронов в своем Заключении о проверке соответствия Федерального закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации³⁵.

Европейский суд по правам человека в деле «Нолан и К. против России» о запрете на въезд иностранного миссионера в Российскую Федерацию отметил, что такое «упущение ни в коем случае не случайно»; напротив, отказ составителей Конвенции включить это конкретное основание в число законных оснований для вмешательства отражает фундаментальную важность религиозного плюрализма как «одной из основ демократического общества» и того факта, что государство не может диктовать, во что верить человеку, или предпринимать принудительные шаги, чтобы заставить его изменить свои убеждения³⁶. Это означает, что государство не может использовать необходимость защиты национальной безопасности в качестве единственного основания для ограничения осуществления права лица или группы лиц исповедовать свою религию.

При этом государство не может просто заявить о наличии некой угрозы национальной (государственной) безопасности, а должно

³⁴ Общественные отношения, которые являются объектом общественной безопасности и которые могут быть объектами угрозы, представлены в качестве объектов преступлений и изложены в положениях Уголовного кодекса РФ (гл. 24 «Преступления против общественной безопасности») и Кодекса РФ об административных правонарушениях (гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность»).

³⁵ Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” международно-правовым обязательствам Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22805/ (дата обращения 13.04.2022).

³⁶ Nolan and K. v. Russia, № 2512/04, 12 февраля 2009 г., § 73.

продемонстрировать реальный риск и конкретные доказательства своих опасений. Так, в другом деле Европейский суд про права человека, рассматривая дело Московского отделения Армии спасения против России, внутренняя структура которого основана на системе званий, аналогичной армейской, и на ношении униформы, постановил, что «эта ситуация может рассматриваться как законное проявление религиозных убеждений этой организации». Соответственно, нельзя было серьезно утверждать, что это означало, что Армия спасения нарушила целостность или безопасность государства, а использование религиозной организацией военных метафор само по себе недостаточно для оправдания ограничения ее деятельности³⁷.

Органам публичной власти РФ следует осмысленно и четко формулировать конкретные достижимые цели ограничения религиозной свободы в нормативных актах, поскольку они являются одним из критериев соразмерности ограничительных мер. Фиксация абстрактных формулировок, используемых в России, таких как религиозная безопасность, интересы сохранения или поддержания мирного сосуществования, социальной стабильности или социальной гармонии, не позволяет установить конкретные цели, для достижения которых власти ввели тот или иной запрет.

Заключение

Следует отказаться от использования доктрины религиозной безопасности, поскольку ее расплывчатое толкование и отсутствие четкого юридического определения приводят к многочисленным нарушениям свободы вероисповедания, дискриминации и преследованиям по религиозному признаку. Вместо этого правильнее говорить о государственной безопасности, общественном порядке, общественном или личном здоровье и защите прав других лиц в качестве законной цели ограничения религиозной свободы.

В этом контексте необходимо проводить дифференцированный подход с учетом конкретных обстоятельств и использовать категорию национальной безопасности в узком значении в качестве законной цели ограничения свободы вероисповедания. У государства в таких делах непростая задача – органы публичной власти обязаны в таких делах предоставить доказательства того, что риск такой угрозы реален, а провозглашаемая цель достижима принятой ограничительной мерой.

³⁷ Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia, № 72881/01, ECHR 2006-XI, § 92.

В тех же случаях, когда речь идет об индивидуальной или коллективной безопасности, вряд ли можно признать законным ограничение свободы вероисповедания личности, группы верующих и религиозного объединения ради их безопасности. Но с другой стороны, защита, уважение и обеспечение права на безопасность включает также позитивное обязательство государства защищать верующих, религиозные общины и группы от таких угроз, как терроризм и преступления на религиозной почве.

Литература

- Мартышин 2021 – *Мартышин О.В.* Государство и религия. М., 2021. 384 с.
- Пчелинцев 2012 – *Пчелинцев А.В.* К вопросу о правовом определении понятий «религия» и «традиционная религия» // Юридический мир. 2012. № 5. С. 56–59.
- Пчелинцев, Загребина, Лункин 2017 – *Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н.* Свобода совести в современной России. М., 2017. 200 с.
- Тарасевич 2012 – *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые проблемы признания религиозного сообщества традиционным в контексте обеспечения религиозной безопасности РФ // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 28–34.
- Федотова 2013 – *Федотова Ю.Г.* Понятие общественной безопасности Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 2–5.
- Шахов 2020 – *Шахов М.О.* Возможно ли защитить законом традиционные духовные ценности? // Юридический мир. 2020. № 2. С. 32–37.

References

- Martyshin O.V. (2021), *Gosudarstvo i religiya* [State and religion], Moscow, Russia.
- Pchelintsev, A.V. (2012), “On the question of the legal definition of the concepts “religion” and “traditional religion”, *Yuridicheskii mir*, no. 5, pp. 56–59.
- Pchelintsev, A.V., Zagrebina, I.V. and Lunkin, R.N. (2017), *Svoboda sovesti v sovremennoi Rossii* [Freedom of conscience in modern Russia], Moscow, Russia.
- Tarasevich, I.A. (2012), “Constitutional and legal issues of recognizing a religious community as traditional in the context of ensuring the religious security of the Russian Federation”, *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 28–34.
- Fedotova, Yu.G. (2014), “The concept of public security of the Russian Federation”, *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 11, pp. 2–5.
- Shakhov, M.O. (2020), “Is it possible to protect traditional spiritual values by law?”, *Yuridicheskii mir*, no. 2, pp. 32–37.

Информация об авторах

Елена Н. Маркова, кандидат юридических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Москва, Россия, Ленинские горы, д. 1/13;

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 119991, Москва, Россия, Ленинские горы, д. 1/13, e_markova@law.msu.ru

Information about the authors

Elena N. Markova, Cand. of Sci. (Law), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1/13, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991;

HSE University, Moscow, Russia; bld. 1/13, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991, e_markova@law.msu.ru

УДК 27-67

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-35-57

«In vino veritas...»
(«Винное дело» – причем тут религия
и религиоведы?)

Анатолий В. Пчелинцев

*Славянский правовой центр, Москва, Россия,
advocatavp@yandex.ru*

Екатерина С. Элбакян

*Российская академия образования, Москва, Россия,
elbakyanes@gmail.com*

Аннотация. На материалах конкретного судебного процесса в статье рассматривается отношение христианских церквей к вину и виноделию, поясняется причина того, что в ряду наименований вин присутствует слово «святой», и рассматривается вопрос, может ли это восприниматься верующими оскорбительным. Также анализируется феномен святости и его место в религиозной и, в частности, в христианской жизни, место религиозной морали в условиях светского общества и ряд других сопряженных с темой статьи проблем.

Ключевые слова: Суд по интеллектуальным правам, торговый знак, религия и вино, виноделие, Сан Лоренцо, Сент Винсент

Для цитирования: Пчелинцев А.В., Элбакян Е.С. «In vino veritas...» («Винное дело» – причем тут религия и религиоведы?) // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2022. № 3. С. 35–57. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-35-57

«In vino veritas...»
 (“Wine business” – what does religion
 and religious scholars have to do with it?)

Anatoly V. Pchelintsev

Slavic Centre for Law and Justice, Moscow, Russia, advocatavp@yandex.ru

Ekaterina S. Elbakyan

Russian Academy of Education, Moscow, Russia, elbakyanes@gmail.com

Abstract. Based on the materials of a specific trial, the article studies the attitude of Christian churches to wine and winemaking, explains the reason for the presence of the word “holy” in a number of wine names, and considers whether that can be perceived offensive by believers. Also, it analyzes the phenomenon of holiness and its place in religious life, and in particular, in the Christian one, the place of religious morality in a secular society and a number of other the related to the topic of the article.

Keywords: Intellectual Property Court, trademark, religion and wine, winemaking, San Lorenzo, Saint Vincent

For citation: Pchelintsev. A.V. and Elbakyan, E.S. (2022), “‘In vino veritas...’ (‘Wine business’ – what does religion and religious scholars have to do with it?)”, *Studia Religiosa Rossica: a scientific journal about religion*, no. 3, pp. 35–57, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-35-57

...Ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости
 сердца вино твое, когда Бог благоволит
 к делам твоим.
Еккл., 9:7

Употребляемое в умеренном количестве,
 вино – наиболее здоровый и наиболее
 гигиеничный из напитков.
Луи Пастер

В чем коллизия «винного дела»?

Предыстория судебного прецедента такова. В 2000 г. Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания на имя общества «Александровы погреба» был зарегистрирован товарный знак «SAINT VINSENT». Спустя 20 лет другое общество – «Винный стиль» – обратилось в Роспатент с возраже-

нием против предоставления правовой охраны данному товарному знаку, содержащему в своем названии имена святых. В обоснование своей позиции общество «Винный стиль» указало на факт противоречия этого обозначения требованиям подпунктов статьи 1483 Гражданского кодекса РФ, согласно которой не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, в том числе:

- 1) являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя;
- 2) противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

По результатам рассмотрения этого возражения 5 февраля 2021 г. Роспатент пришел к выводу о несоответствии искомого товарного знака требованиям пункта 2 статьи 6 Закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» и охрана товарного знака была признана недействительной. Как следует из решения Роспатента, спорный товарный знак состоит из элементов «Saint Vincent», имеющих перевод на русский язык «Святой Винсент» (рус. Викентий). Данное обозначение воспроизводит имя святого, который почитается в православной, католической и англиканской церквях, в связи с чем возникший спор имеет четко выраженную тематику, связанную с религией. На основании этого Роспатент пришел к выводу, что предоставление правовой охраны данному товарному знаку оскорбляет религиозные чувства верующих, противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Не согласившись с указанным решением Роспатента, общество «Александровы погребя» обратилось в Суд по интеллектуальным правам с заявлением о признании этого решения недействительным и о возложении на Роспатент обязанности восстановить правовую охрану товарного знака.

В ходе процедуры рассмотрения возражения в Роспатенте и заявления в Суде по интеллектуальным правам по спорному вопросу были представлены позиции известных церковных деятелей, богословов и религиоведов. Более того, к делу были подключены известные социологи. Достаточно назвать только некоторые имена церковных деятелей и светских ученых, чтобы понять масштаб конфликтной ситуации: архиепископ Витебский и Оршанский (Белорусский экзархат Русской православной церкви) Димитрий (Дроздов), священнослужители В. Цыпин и А. Хвьяля-Олинтер, игумена К. Чернега, А.В. Апполонов, В.В. Кравчук, А.Л. Дворкин, Л.Ф. Кацис, И.Л. Крупник, Н.В. Шабуров, Е.С. Элбакян и другие. Поистине звездный состав, за каждым именем стоят целые коллек-

тивы или научные школы. Заключение, представленные некоторыми из названных экспертов-религиоведов и специалистов, тянут не просто на научную статью, а на полноценную монографию. При этом их мнения разделились.

Так, из ответов Правового управления Московской патриархии и Московской духовной академии (МДА), в частности профессора МДА протоиерея Владислава Цыпина, следует, что нанесение изображений или имен святых на определенного рода продукцию, в том числе алкогольную, можно расценивать как действие, совершенное в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Чувства верующих заключаются в благоговейном отношении лица к тому, что в соответствии с его религиозными убеждениями является для него святыней. При этом такой святыней для лица, несомненно, являются его религиозные убеждения, догматы религии, личности и деяния святых, а также священные изображения и тексты, иные предметы религиозного назначения, места религиозного почитания (паломничества). Использование имени святого, признаваемого религиозной конфессией, зарегистрированной в установленном порядке, или его изображения не может быть исключительным правом того или иного лица, не являющегося религиозной организацией или не учрежденного ею. Регистрация товарных знаков, содержащих названия спиртных напитков, которые могут быть отнесены к церковной семантике, оскорбляют чувства верующих... Религиозные организации могут беспрепятственно использовать религиозные символы того вероисповедания, к которому они принадлежат. Однако религиозная символика государственной регистрации не подлежит. Святой мученик Викентий (24 ноября 304 г.) почитается православной и католической конфессиями. В этой связи было высказано мнение о недопустимости регистрации товарных знаков со словами «St. Vincent», «SANT VINCENT».

В то же время в заключениях других специалистов – священнослужителя и кандидата юридических наук А.И. Хвыли-Олинтера сделан вывод об отсутствии в данном случае оскорбления чувств верующих; в письме настоятеля храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла г. Саратова игумена Нектария (Морозова) говорится о существующей практике использования священных изображений и об отсутствии оскорбления чувств верующих.

Абсолютное большинство авторитетных специалистов указали на то, что регистрация и использование обозначения «SAINT VINCENT» в отношении алкогольной продукции не могут быть оскорбительными по отношению к верующим людям в силу того, что святой Винсент является покровителем виноделов, его имя неразрывно связано с вином, виноградной лозой, виноделием,

а употребление вина, в свою очередь, не противоречит религиозному мировоззрению и христианской традиции.

Авторы настоящей статьи могли бы и дальше приводить мнения авторитетных исследователей, но есть ли в этом смысл?

По нашему мнению, искусственно созданная конфликтная ситуация и втягивание в нее огромного количества ученых и церковных персон не стоит и выеденного яйца. Если бы Роспатент был принципиально последовательным, то задался бы лежащим на поверхности вопросом: что делать с многочисленными товарными знаками алкогольных напитков, а их около 1500, имеющими религиозное содержание, которые зарегистрировало само это ведомство?

Можно продолжать в том же духе. Нам же кажется, что вся эта история с товарными знаками и мнимыми оскорблениями религиозных чувств выглядит не более чем спекуляцией со стороны ООО «Винный стиль» с целью извлечения коммерческой выгоды. Иначе чем объяснить, что данное общество реализует вино с наименованием «Сан Лоренцо» (рус. святой Лаврентий), в чем легко убедиться, посетив сайт этой организации. Получается, как с известным гоголевским персонажем – унтер-офицерской вдовой, которая сама себя высекла. А как следует из решений арбитражных судов, ранее ООО «Винный стиль» было привлечено к ответственности за использование товарного знака «SAINT-VINCENT», сходного до смешения с товарным знаком правообладателя.

Суд по интеллектуальным правам отменил решение Роспатента и восстановил правовую охрану на товарный знак «SAINT VINCENT», с чем наверняка вряд ли согласится Роспатент и ООО «Винный стиль». Но пока история продолжается, а нам как авторам статьи было интересно рассмотреть христианское отношение к вину и виноделию.

Вино в христианской традиции

За более чем двухтысячелетнюю историю христианство создало или восприняло из дохристианской эпохи множество традиций, ставших основой культуры и повседневной жизни народов и стран. Одной из таких традиций является виноделие, возникшее задолго до нашей эры, в эпоху неолита, а потому вино считается одним из древнейших напитков, употребляемых человечеством.

Что же представляет собой вино и как оно связано с религиозными обрядами и таинствами – в данном случае в христианстве? Вино – это «1) алкогольный напиток, образующийся в результате брожения виноградного либо плодово-ягодного сока; 2) символический библейский термин. Виноградное вино, в соответствии

с установлением Господним, используется в Церкви в качестве вещества для главного церковного Таинства – Евхаристии; вино употребляется при освящении Престола, в Таинствах Елеосвящения и Брака»¹.

Если обратиться к любому популярному тексту о вине в христианской традиции², то, например, в Библии – Священном писании христиан, – можно прочесть: «Вино в Библии – напиток, приготавливаемый преимущественно из винограда (реже из других ягод). Часто упоминается как один из лучших природных даров, данных Богом человеку (Быт. 14:18; Втор. 7:13, 33:28; Пс. 103:15; Ис. 55:1). Вино употреблялось не только на праздниках и пиршествах (Быт. 14:18; Иоан. 2:3 и дал.), но было обыкновенным пищевым продуктом; поэтому оно часто упоминается вместе с хлебом (1 Цар. 16:20, 25:18; Неем. 5:15)»³.

Практически с момента зарождения христианства, помимо своей пищевой ценности, вино обрело и особый сакральный смысл. «В христианстве и католичестве, точно так же, как и дионисийской культуре, вино отождествляется с божественным началом. Кровь распятого Христа, пролившаяся на кресте, послужила началом Нового Завета. Собранная в чашу из-под пронзенного копьем ребра, эта кровь была сакрально связана с вином, ставшим символом связи между человеком и божественной сущностью»⁴. В дальнейшем при формировании церковной организации и культовой практики вино стало использоваться во время Литургии преждеосвященных даров, символизируя кровь Христову, в таинстве Евхаристии (католицизм и православие).

Как отмечает известный православный сектовед А.Л. Дворкин, «в Требнике, используемом Русской Православной Церковью (равно как и в Требниках других Православных Церквей), содер-

¹ Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/vino> (дата обращения 13.04.2022).

² В популярном еженедельнике «Тайны XX века» можно прочитать: «В Библии вино – это напиток, приготавливаемый преимущественно из винограда. Оно упоминается как один из лучших природных даров, врученных Богом человеку. В библейские времена вино употреблялось не только на праздниках, но и было обыкновенным пищевым продуктом; поэтому оно часто упоминается вместе с хлебом. <...> Библия упоминает Ноя как первого винодела» (*Ерофеев В. Простые напитки // Тайны XX века. 2022. № 14. С. 28*).

³ Подробнее см.: Вино в Библии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вино_в_Библии (дата обращения 13.04.2022).

⁴ См.: Вино и религия. URL: https://winestyle.ru/articles/wine/wine_&_religy.html (дата обращения 13.04.2022).

жится несколько чинов освящения винограда (где прямо говорится о производстве вина как о цели выращивания винограда) и освящение самого вина»⁵. Также справедливо церковный специалист со ссылкой на библейские тексты указывает, что «в христианстве вино всегда воспринималось как Дар Божий»⁶.

Таким образом, вино в христианстве не воспринимается «скверной» и как таковое широко используется христианскими церквями в культовой деятельности на протяжении веков, начиная с древних времен. Как пишет игумен Нектарий (Морозов) – настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла Саратовской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат), ссылаясь на Библию, «вино в христианской традиции никогда не считалось напитком скверным, напротив, вино упоминается как один из лучших природных даров, данных Богом человеку»⁷.

Откуда происходят наименования вин?

Производством качественного вина традиционно славятся монастыри. В Европе наших туристов часто водят в монастыри, где их угощают высококачественными винами, сделанными из монастырского винограда. Производили вино в монастырях и на юге Российской империи. Согласно Правилам о выделке, хранении и продаже виноградного вина, установленным Законом Российской империи о виноградном вине от 24 апреля 1914 г., в местные комитеты виноградарства и виноделия обязательно включались представители ведомства православного исповедания.

Наименования вина традиционно получают по названию местности или хозяйства, в которых произрастает определенный сорт винограда, из которого изготавливается данное вино. В этом можно убедиться на примере грузинских вин. Так, в РФ хорошо известны их наименования: киндзмараули (Киндзмараульская микрозона Кварельского района Кахетии), вазисубани (виноградники села Вазисубани), эрети (историческая область на юго-востоке Кахетии) и др.

В связи с тем, что на протяжении последних двух тысяч лет христианство играло очень заметную роль в жизни европейского общества, топонимика многих географических мест в Европе

⁵ Дворкин А.Л. Ответы на вопросы ООО «Александровы погребя» // Материалы дела № СИП 181/2021 и № СИП-179/202. С. 3.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Игумен Нектарий (Морозов). Справка // Материалы дела № СИП 181/2021 и № СИП-179/202. С. 2.

и других странах нередко связана с именами тех или иных христианских религиозных персонажей.

Так, например, во Франции св. Винсент (Saint Vincent) почитается виноградярами и виноделами как защитник лозы, покровитель виноделов и виноделия. По версии самих виноделов, святой Винсент позволяет создавать лучшие в мире вина, сделавшие Францию страной, славящейся своими традициями виноделия. Как говорит владелец легендарного виноградника Chateau Angelus (Ангельский благовест) Жан Бернар Грени: «Святой Винсент живет в душе каждого французского винодела...»⁸.

Праздник святого Винсента – покровителя виноделия отмечается во Франции в конце января, начало чему положено еще в Средневековье «Обществами взаимопомощи», которые существовали в каждой бургундской деревне. Позже интерес к этому мероприятию постепенно угасал в связи с увеличивающейся ролью светского общества. Возможно, так это празднество и ушло бы из бургундских традиций, если бы не винное сообщество «Confrérie des chevaliers du Tastevin» («Братство Рыцарей Дегустационной Чаши»). По его инициативе 22 января 1938 г. возобновилась традиция отдавать дань святому Винсенту, а местом проведения первого возрожденного мероприятия стала коммуна Chambolle-Musigny⁹.

При этом важно подчеркнуть, что поместье Clos Saint-Vincent – хозяйство, производящее белые, красные и розовые вина премиального качества. Имение расположено в коммуне Белле, неподалеку от Ниццы, на самом юге Франции¹⁰.

Для производства вин имя «Bertineau Saint-Vincent» было запатентовано в 1978 г. Bertineau – это название района в городе Неак, где находятся 5,6 га виноградников¹¹.

В Италии же, например, производится линейка вин под названием SAN LORENZO, Colle San Lorenzo. Подобные названия

⁸ Русьимпорт. URL: <http://www.rusimport.ru/index.php?page=Catalog&act=List&category=100040761> (дата обращения 13.04.2022).

⁹ Подробнее см.: Информационный портал алкогольного рынка. URL: http://www.alcomarket.info/print_arhive.asp?NewsId=162980 (дата обращения 13.04.2022).

¹⁰ См.: История бренда производителя Clos Saint Vincent «Кло Сен Винсен». URL: <https://wtc.ru/Brand/Clos-Saint-Vincent> (дата обращения 13.04.2022).

¹¹ См.: Бренд «Bertineau Saint-Vincent». URL: <https://www.globalalco.ru/items/Rolland-Wines-and-Consulting-SA-02/chateau-bertineau-saint-vincent> (дата обращения 13.04.2022).

встречаются при наименовании различных объектов, расположенных в разных частях света, в христианских (католических) странах Западной Европы и Латинской Америки – городов, поселков, горных массивов, рек, островов, заливов и даже футбольной команды.

То, что такой генезис названия вина, отвечающий реальной ситуации с качеством его сырьевой базы и производства, может быть для кого-то оскорбительным, вызывает большое сомнение. Аналогичным образом можно было бы оскорбиться, например, наименованием городов Санкт-Петербург, Архангельск, Сан-Франциско или Санта-Барбара – ведь в этих мегаполисах есть не только богоугодные места, но и то, что представляет источники социального зла: сутенерство и проституция, наркомания, алкоголизм с соответствующими данным порокам заведениями. Столь же сомнительным представляется, например, чтобы наименование подмосковного города Троицка воспринималось кем-то как неуместное упоминание Святой Троицы.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что на этикетках и контрэтикетках вин SAINT VINCENT, St. Vincent, «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» отсутствует изображение лика святого (портрет). Более того, поскольку существует немало святых Винсентов (Викентиев) и святых Лоренцо (Лаврентиев), для того чтобы возникла ассоциация с конкретным святым, необходимо, помимо его изображения, как это принято в христианской традиции, также указать уточняющее наименование, например Сарагосский («de Soignies» или «de Saragosse») или священномученик Лаврентий (Laurentius), архидьякон Римский и др. Тогда возможна ассоциация с конкретным святым. В иных случаях это не более чем суждение по неявной аналогии, то есть предположение, а, как известно, суждения по аналогии относятся к разделу вероятностной логики.

На этикетках названных вин вообще отсутствует какая-либо религиозная атрибутика и христианская символика, что делает еще более затруднительным ассоциативный ряд, увязывающий данное вино с христианскими святыми.

Как известно, религиозная символика – это «способ передачи религиозно значимой информации путем сложного воздействия на эстетическое восприятие, ассоциативное мышление и рефлексию. Широкое применение символика в религии, религиозной философии и религиозно ориентированном искусстве опирается на свойства образа, позволяющие формировать органическую связь некоторых сторон объекта и тем раскрывать его сущность, невидимую из-за бесконечной многосторонности объекта» (Вевюрко 2008, с. 1166).

Религиозная символика, как правило, сопровождает и маркирует религиозные объекты – крест того или иного типа на христианском храме, на сакральных книгах или религиозных изданиях, полумесяц на мечети и т. д.

В данном случае на этикетках и контрэтикетках вина SAINT VINCENT, St. Vincent, «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» религиозная символика полностью отсутствует, что косвенным образом подтверждает топонимическое, а не религиозно-культурное происхождение названия вина. Следовательно, ассоциация возникает с определенной местностью и произрастающим на ней виноградником, из которого делают вино, а не со святыми Римско-католической церкви или еще более далекой ассоциацией со святым Викентием или святым Лаврентием в российском православии, т. е. нет никаких ассоциаций с конкретной личностью¹².

Как справедливо подчеркивает религиовед, кандидат философских наук, старший преподаватель МГУ И.С. Вевюрко, «в современном религиоведении считается установленным, что архетипичность символики религиозной, подобно инвариантности многих других элементов человеческого мышления, сама по себе мало что объясняет в развитии религий. Однако ее закономерности стали источником для многих идей религиозной философии, самый яркий пример которой представляет русский символизм» (Вевюрко 2008, с. 1166).

Нет сомнений, что и в нашей стране, название вина «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» не может ни по форме, ни по содержанию казаться оскорбительным.

Так, проведенный аналитическим центром Юрия Левады «Левада-центр» социологический опрос потребителей выявил

¹² Как справедливо отмечает в своем заключении доктор философских наук А.В. Апполонов, «...оно (вино. – *Авт.*) может также вообще не ассоциироваться с личностями, поскольку нельзя обойти вниманием тот факт, что только во Франции существует более 40 коммун, чье название включает словосочетание «Saint Vincent», а потому (если говорить о вине французского происхождения) могут возникнуть ассоциации не с личностями, но с любой из этих коммун. Кроме того, по всему миру названия SAINT VINCENT, St. Vincent носят церкви, школы, больницы, различного рода общественные учреждения, а также частные предприятия, среди которых можно упомянуть ликероводочный завод St. Vincent Distillers Ltd., находящийся на карибском острове Saint Vincent и производящий ром «St. Vincent Sunset» (Апполонов А.В. Заключение специалиста по делу № СИП 181/2021 и № СИП-179/2021, находящимся в производстве Суда по интеллектуальным правам // Материалы дела № СИП 181/2021 и № СИП-179/2022. С. 21–22).

крайне незначительную долю респондентов – 2% и верующих – 2%, для которых товарный знак SAINT VINCENT, St. Vincent ассоциируется со святым Винсентом (Викентием). «Таким образом, данные обозначения не обладают религиозной семантикой в сознании потребителей, в том числе верующих», – заключают социологи¹³.

Аналогичным образом выглядят результаты социологического опроса потребителей и относительно вина Сан Лоренцо, проведенного также аналитическим центром Юрия Левады «Левада-центр», выявившего крайне незначительную долю респондентов – 2% и верующих – 2%, для которых товарный знак SAN LORENZO ассоциируется со святым Лоренцо (Лаврентием). Аналогично и заключение центра: «Таким образом, данное обозначение не обладает религиозной семантикой в сознании потребителей, в том числе верующих»¹⁴.

В этой связи необходимо обратить внимание на тот факт, что в светском поликонфессиональном государстве, каковым является Российская Федерация, абстрактное понятие «верующие» всегда должно быть наполнено конкретным смыслом: верующий какой конфессии, какого религиозного направления? Рассматриваемый в таком аспекте вопрос получает вполне очевидный ответ: для верующих нехристианских религий (мусульман, иудаистов, буддистов, индуистов и т. д.) обозначение «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» на этикетке и контрэтикетке винной бутылки заведомо не может являться оскорбительным, ибо для них не существует такого святого. Из христианских конфессий (православие, католицизм, протестантизм) для протестантов, у которых отсутствует вера в святых и соответствующий культ, нет ни святого Винсента (Викентия), ни святого Лоренцо (Лаврентия), и наименования вин «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» для протестантов совершенно незначимы. Остаются: 1) католики, численность которых в РФ незначительна (по приблизительным подсчетам, не более полумиллиона человек)¹⁵, где, судя по тому, что для них не оскорбительно употребление вина SAINT VINCENT во Франции или

¹³ Отчет по исследованию: «Семантика товарных знаков № 196200 “SAINT VINCENT” и № 448104 “St. Vincent” и возможное противоречие общественным интересам (оскорбление чувств верующих)». С. 8.

¹⁴ Отчет по исследованию: «Семантика товарного знака № 515031 “SAN LORENZO” и возможное противоречие общественным интересам (оскорбление чувств верующих)». С. 8.

¹⁵ См., например: Сколько католиков действительно в России? URL: <https://vel-inkvisitor.livejournal.com/21072.html> (дата обращения 13.04.2022).

SAN LORENZO в Италии, как, впрочем, и в других странах, они не будут оскорблены и тем, что такое вино продается и употребляется в России; 2) православные. В результате получается, что мы имеем дело с установлением тождества между понятиями «верующий» и «православный», что, по сути, не является верным.

Вместе с тем на высокую вероятность вполне адекватного отношения отечественных христиан к светским явлениям указывает то, что в российских супермаркетах – сети «Пятерочка», «Верный», «Перекресток» и др. – продаются вина с названиями «Санта Барбара» («Святая Варвара», широко почитаемая в православии), «Душа монаха», в том числе с четками (предметом религиозного назначения при чтке молитв), обмотанными вокруг горловины бутылки. С четками, обмотанными вокруг горловины бутылки, продается линейка вин под брендами «Монашеский орден» и «Покровский скит», с религиозной символикой на этикетке продаются кагор и вино «Монастырская трапеза», вероятно подразумевающее употребление этого вина монахами и монахинями во время трапезы. В отечественной торговой сети реализуются вина «Святой Георгий», «Святой Валентин», «Молоко Богородицы» с изображением на этикетке Богородицы с младенцем, «Монастырская летопись» с изображением на этикетке монастыря, «Монашеское» (что, как следует из названия, с учетом метода свободных ассоциаций, означает вино, которое употребляют монахи), «Завет монаха», «Мадонна» и многие другие. Существуют даже коньяк «Святой крест», ром «Старый монах», известна линейка коньяков Dusse с изображением креста и ряд других крепких, в отличие от вина, алкогольных напитков.

Интересно в этой связи также обратить внимание на популярный ликер «Бенедиктин» – «сорокаградусный французский травяной ликер, изобретенный Александром Леграном в 1863 году. На этикетке каждой бутылки печатают буквы D.O.M., что означает Deo Optimo Maximo, в переводе с латыни – «Господу всеблагому, величайшему». Именно эту аббревиатуру можно встретить в начале любого документа ордена Бенедиктинцев – так монахи посвящают свою работу Богу. Горлышко бутылки огибает надпись «настоящий Бенедиктин» с изображением католического креста. <...> Легенда гласит, что рецепт разработали в Средние века монахи бенедиктинского монастыря в Нормандии – святые братья стремились создать лекарство на основе душистых трав»¹⁶.

¹⁶ Подробнее см.: Бенедиктин (Benedictine) – монастырский травяной ликер из Франции. URL: <https://alcofan.com/kak-pravilno-pit-benediktin.html> (дата обращения 13.04.2022).

Судя по продажам и наличию в торговой сети данных товаров при отсутствии заявлений в суд от оскорбившихся верующих, они этим фактом не оскорблены.

Таким образом, даже крепкий (сорокаградусный) алкоголь, на котором имеется христианская символика и соответствующие надписи религиозного содержания, что ассоциируется с Римско-католической церковью и бенедиктинским монастырем, более столетия не наносит никакого ущерба чувствам верующих-католиков – кстати, самой крупной христианской конфессии, насчитывающей более 1200 млрд последователей.

Любопытно, что история производства в Ирландии широко известного ликера святого Брендана (Saint Brendan's Irish Cream Liqueur) началась с инициативы монаха, святого аббата Брендана (VI в.), который, поскольку это произошло до Великого раскола христианских церквей в 1054 г., почитается в православии в качестве преподобного Брендана Мореплавателя.

В этой связи важно отметить, что оскорбительными для верующих могут быть намеренные и демонстративные кощунственные действия, противоречащие религиозным представлениям их конфессии. В данном случае о кощунстве речи нет: использование слова «святой» при наименовании нерелигиозных объектов к кощунственным действиям не относится, что многократно подтверждено и историей христианских стран, и их современным состоянием. Тогда как само употребление вина, как мы выяснили, никоим образом не противоречит ни христианскому вероучению, ни христианской морали, независимо от наименования вина и его этикетки.

Конечно, это не исключает, что существуют группы граждан – верующих и неверующих, которые могут негативно относиться вообще к употреблению алкоголя и, в частности, вина. Однако это является их личным выбором и не может быть экстраполировано на церковь как социальный институт в целом, вынуждая ее в нарушение церковной традиции давать негативные оценки виноделию и использованию его результатов верующими.

Не противоречит данной традиции и Концепция Русской православной церкви по утверждению трезвости и профилактике алкоголизма. Не запрещая употребление вина, церковь всегда говорила о пользе воздержания и умеренности в его употреблении. В Ветхом Завете содержатся положительные высказывания об употреблении вина (Втор. 7:13; 11:14; Еккл. 10:19), строгие предостережения от злоупотребления им (Ис. 5:22), а также примеры абсолютной трезвости (Суд. 13:6-7; 1 Цар. 1:11; Лк. 1:14-15; Иер. 35). Так, обет назорейства, например, предполагал абсолютную трезвость и принимался добровольно (Чис. 6:1-21), священникам

предписывалось сохранение трезвости на время исполнения служения (Лев. 10:8-11). В Новом Завете с вином связано первое чудо, явленное Иисусом в Кане Галилейской. Вино было частью последней трапезы Христа с учениками и стало веществом таинства Евхаристии. В посланиях апостолов упоминаются лечебные свойства вина (1 Тим. 5:23), указывается на пагубность злоупотребления им (Еф. 5:18; 1 Кор. 6:10), а также содержатся призывы к трезвости (1 Пет. 5:8; Рим. 14:21; 1 Тим. 3:2). Библейская традиция отношения к вину сохранялась церковью в течение всей ее истории.

Можно добавить, что в основополагающем документе Русской православной церкви (РПЦ) «Основы социальной концепции Русской православной церкви», рассматривающем всю совокупность социальных вопросов и указывающем на отношение РПЦ к различным аспектам жизни светского общества, ни виноделие, ни употребление вина, ни товарные знаки с упоминанием слова «святой», в том числе используемые на винных этикетках, не упоминаются и, следовательно, не подвергаются осуждению или критике с позиций религиозной, в данном случае православной, морали¹⁷.

Религиозная мораль и сфера ее применения

Религиозная мораль – это принятые в той или иной религии или религиозном направлении представления о добре и зле, хорошем и плохом, правильном и неправильном; система моральных норм и принципов, регулирующих эти разграничения, санкционированные религией и, как правило, зафиксированные в священных текстах – например, в Декалоге Моисея в Танахе (Ветхом Завете) в иудаизме и христианстве, в Нагорной проповеди Иисуса Христа (Новый Завет) в христианстве и др.

Как пишет академик РАО, религиовед, доктор философских наук, профессор В.И. Гараджа, «религиозная мораль – система моральных норм, санкционированных религией. Религия и мораль – самостоятельные в своих истоках культурные системы, которые могут быть представлены в виде двух “идеальных типов” – “религия без этики” и “этика без религии”» (Гараджа 2008, с. 1061–1062), подчеркивая, что религия и мораль «самостоятельные в своих истоках культурные системы» (Гараджа 2006, с. 886).

В рамках религиозного мировоззрения моральные установки для индивида, если речь идет о теистических религиях, крупней-

¹⁷ См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // О социальной концепции русского православия / Под ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2002. Прил. С. 250–392.

шей из которых является христианство, не могут существовать без Божественной санкции. Именно Бог выступает в амбивалентной роли карающего за грехи и одобряющего за праведное с позиции религиозной морали поведение верующего человека. «При этом религиозное обоснование моральных заповедей не соблюдает обязательного для морали требования: тот, кто требует моральности от других, должен сообразовывать с моралью собственное поведение. Религия делает из этого конституирующего мораль требования исключение для Бога. Она опирается на таинство, отказываясь от соизмерения себя с моралью» (Гараджа 2008, с. 1061).

Однако на протяжении исторической эволюции человечества, возникновения процессов секуляризации и светских государств, мораль и религия становились все более автономными, несмотря на то что предлагаемые религиозной этикой поведенческие стратегии отвечали уровню культурного развития многих поколений наших предков, способствуя выживанию рода человеческого. Очевидно также, что они были почерпнуты соответствующими религиями из целесообразных норм поведения, сложившихся в жизни соответствующих обществ. Необходимость сохранения религиозной этики постулируется в современном религиозном дискурсе с тем большей категоричностью, чем больше он настаивает на признании абсолютной значимости постулируемых им религиозных норм, не предлагая обоснования каждой из них в отдельности. Однако многообразие конкретных форм поведения, отражающее многообразие интересов и ценностных ориентаций, привело к утверждению принципов современной автономной светской морали, свободной от трансцендентного (сверхъестественного) авторитета.

В современном понимании, достигнутом религиоведением в самом тесном сотрудничестве с культурной антропологией, социологией и психологией, религия и мораль представляются как две отчетливо различаемые и самостоятельные области, исторически вступавшие в тесную связь. В этом взаимодействии религия обеспечивала мораль той степенью обязательности, которой иначе она не могла бы достичь; мораль же вырабатывала типы поведения, необходимые для выживания человечества. Но в современном мире уже невозможно «учредить такую форму моральной жизни, которая была бы простым подчинением предписаниям чужой воли, даже если это – высшая воля, выступающая в качестве воли божественной» (П. Рикер)» (Гараджа 2006, с. 888).

Светскость – правовой и общекультурный принцип, подразумевающий равноудаленность государства и всех его институтов от любых религиозных объединений и мировоззрений, а также независимость государства от церковно-духовных представлений и теологических концепций. Принцип светскости и свободы совести

впервые был провозглашен в 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина (ст. 10.).

Одним из основных принципов светскости является недопущение религиозного регламента для общественных и государственных институтов – искусства, образования, армии, морали, коммерческой деятельности и т. д. Не устрояя религию из публичного пространства, светскость изменяет лишь ее место и роль в данном пространстве: религия перестает быть государственной, социально обязательной, а ее нормы в светском государстве не представляются высшими этическими принципами, обязательными для всех (Элбакян 2014b, с. 239).

Светское государство – тип государственного устройства, в котором отсутствует государственная религия (и государственная церковь), ни одна из действующих на территории государства религий не признается обязательной, господствующей или предпочтительной, не обладает правом оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства, государственный строй, деятельность государственных органов власти и управления, на систему государственного образования, законотворческую деятельность, мировоззренческие предпочтения и вероисповедный выбор граждан, на государственную идеологию.

В светском государстве все религии и религиозные направления равноудалены от любых государственных институтов, поскольку в основе функционирования светского государства лежит принцип светскости. Светский характер государства устанавливается путем отделения от него религиозных организаций и провозглашения религии частным делом граждан (Элбакян 2014a, с. 238–239).

В Российской Федерации светский характер государства закреплен в Конституции РФ, где Российская Федерация определяется как светское государство; никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом¹⁸. В соответствии с этим принципом государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций государственных органов и учреждений, а также органов местного самоуправления; не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит закону, а также в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими в соответствии со своими убеждениями.

¹⁸ См.: Конституция Российской Федерации. Ст. 14. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 13.04.2022).

Религиозные объединения не участвуют в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления, не участвуют в деятельности политических партий и политических движений, не оказывают им материальную и иную помощь.

Вместе с тем члены религиозных объединений, являясь гражданами РФ, имеют те же права, что и все остальные граждане, в том числе право на участие в выборах, в деятельности политических партий и т. п.

Исходя из того, что Российская Федерация – светское государство, множество действующих на ее территории коммерческих, некоммерческих и прочих законопослушных светских организаций не обязано руководствоваться принципами религиозной морали.

В качестве примера можно привести ООО «Александровы погреба». Это общество с ограниченной ответственностью, не имеющее отношения ни к одной из религий или религиозных направлений, функционирующих на территории страны, и не входящее ни в одну религиозную структуру. Исходя из этого, названная организация не обязана следовать нормам какой-либо религиозной морали.

Данная организация является правообладателем товарных знаков «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo».

Другая коммерческая структура – ООО «Винный стиль», не согласовав с владельцем товарных знаков, ввезла в Россию вина с аналогичными названиями и начала их реализацию. Когда же «Александровы погреба» выставили штраф за незаконное использование товарного знака, коммерческая структура предъявила претензии (через Роспатент) «Александровым погребам», что товарные знаки «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» оскорбляют чувства верующих, несмотря на то, что сама эта структура реализовывала вина под сходными названиями на территории РФ.

Вместе с тем даже при буквалистском восприятии наименования товарных знаков «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo», используемых для маркировки алкогольной продукции (вина), противоречия религиозной и, в частности, христианской, морали нет: как мы выяснили, в христианстве вино не воспринимается скверной и широко используется в церковной культовой деятельности на протяжении веков.

Любой предмет, отчуждаемый от человека в процессе его трудовой – физической и интеллектуальной – деятельности, является лишь этим предметом, не несущем в себе аксиологической нагрузки. Оценку ему дают люди, в зависимости от собственных моральных и социально-психологических установок. Вполне очевидно, что один и тот же предмет может быть охарактеризован

как положительным, так и отрицательным образом, так как, соответственно, может быть использован и во благо, и во зло. Поэтому в любом случае за это несет ответственность не «создатель» предмета, а его «пользователь»¹⁹.

Феномен святости в христианстве

Отдельно стоит остановиться на феномене святости в религиозной, и, в частности, христианской, жизни. Так, в христианстве существует ряд сопряженных понятий – «святое», «святость», «культ святых».

«Святое, священное, сакральное (лат. sacer, франц. sacré, англ. sacred) – категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Представления о С. включают важнейшие характеристики сущего: онтологически С. – отличное от обыденного бытия и относящееся к высшему уровню реальности; гносеологически – заключающее истинное знание, в сути своей непостижимое; феноменологически – дивное, поразительное; аксиологически – абсолютное, императивное, глубоко чтимое. Представления о С. с наибольшей полнотой выражены в религиозном мировоззрении. С. – универсальная категория религиозного сознания, характеризующая фундаментальный уровень религии. С. – предикат тех существей, которые являются объектом поклонения. Убеждение в существовании С. и влечение быть ему сопричастным составляет суть религии. В развитом религ. сознании С. – сотериологическая ценность высокого достоинства, поскольку стяжание святости выступает неперменным условием и целью спасения. <...> Содержательно категория С. столь же многообразна и подвижна, сколь своеобразны и динамичны этнорелигиозные традиции» (Забяко 2008, с. 1134–1135).

Святость – «категория религиозного сознания, одно из фундаментальных религиозных понятий, обозначающее причастность или принадлежность священному. <...> Святость людей в христианском понимании заключается в теозисе – преображении человека под воздействием божьей благодати, восстановлении искаженной грехом, падшей человеческой природы и в спасении» (Давыдов 2008а, с. 1135–1136).

Святые – «в христианстве первоначально члены ранней христианской общины, участвующие в богослужении и Евхаристии;

¹⁹ См.: *Протоиерей Хвьяля-Олинтер А.И.* Ответ специалиста // Материалы дела № СИП 181/2021 и № СИП-179/202. С. 5–6.

впоследствии – люди, особо прославленные от Бога и после смерти отмеченные благодатными дарами. Почитание С. характерно для православия, католицизма и древних вост. церквей. Основу христианского понимания святости составляет представление о преображении человеческой природы под действием Божественной благодати и в силу искупления Иисусом Христом грехов человека» (Несмиянова, Семанов 2008, с. 1136–1137). Культ святых – «феномен религиозной жизни, выражающийся в почитании святых – лиц, по тем или иным критериям считающихся наделенными святостью. <...> В христианстве святых культ характерен для ориентальных (дохалкидонских), католической и православных церквей и отвергается протестантизмом» (Давыдов 2008b, с. 1138).

Наделение конкретной исторической или легендарной личности свойством «святости» имеет определенный алгоритм, различающийся в католицизме и православии.

«Канонизация (старолат. *canonizatio* – включаю в канон, узакониваю) – торжественный акт причисления умершего подвижника веры к сонму святых и учреждение его культа. Канонизации предшествует процедура изучения заслуг кандидата в святые перед церковью, а в католицизме также беатификация – предварительное причисление этого лица к лику блаженных...» (Овсиенко 2008, с. 616).

В отличие от католицизма, «механизм канонизации в православии не разработан и совершается в соответствии с требованиями и традициями каждой автокефальной церкви, как правило, ее Поместным собором. Вопросами канонизации в Русской православной церкви занимается специальная комиссия, готовящая предложения для собора» (Овсиенко 2008, с. 617).

Таким образом, процедуры причисления той или иной усопшей личности к лику святых в католицизме и православии имеют заметные отличия. Более того, сама категория святого имеет в этих направлениях христианства дифференцированную и отчетливо различающуюся структуру. Так, в католицизме существуют *Sancti* собственно святые, в результате процесса канонизации), *Beati* (блаженные, в результате процесса беатификации), *Venerabli* (если Римский папа особым постановлением признает этого слугу «геройствовавшим в добродетели» – «*heroic in virtue*») и *Servi di Dio* («слуги Господа», причисление которых к сонму святых производит епископ; «слуга Господа» может быть повышен до *Venerabli*, если Римский папа особым постановлением признает его «геройствовавшим в добродетели») ²⁰.

²⁰ Подробнее см., например: Бурьяк А. Уровни святости у католиков. URL: <https://streithahn.livejournal.com/94314.html> (дата обращения 13.04.2022).

В Русской православной церкви существует несколько чинов (разрядов) святости: апостолы, пророки, праотцы, святители, мученики (первомученики, великомученики, священномученики, преподобномученики, страстотерпцы), исповедники, преподобные, благоверные, праведные, бессребреники и юродивые). Нередки случаи, когда один и тот же святой неразделенной до Великого раскола христианской церкви на православие и католицизм (1054 г.) в этих церквях имеет различный чин – не только по названию (по форме), но и содержательно, по уровню святости.

Что касается католического святого Винсента и православного святого Викентия, то здесь однозначной интерпретации нет. Римско-католической и Православными церквями почитаются все святые, которые были канонизированы до разделения церквей. При этом Римской-католической церковью почитается 7 святых Винсентов, а православными церквями, и в частности, Русской православной церковью, четверо святых Викентиев – Викентий Сарагосский (IV в.), Викентий Леринский (V в.), Викентий Аженский (III в.), Викентий Коллиурский (III в.), живших до Великого раскола церквей.

Сравнительная таблица
уровней святости Винсентов (Викентиев)
в католицизме и православии

№ п/п	Имя	В католицизме	В православии
1	Винсент (Викентий) Сарагосский	святой	священномученик
2	Винсент (Викентий) Леринский	святой	преподобный
3	Винсент (Викентий) Аженский	святой	священномученик
4	Винсент (Викентий) Коллиурский	святой	мученик

Вместе с тем, если продолжать ассоциативный ряд, под наименованием Сан Винсент (Saint Vincent) известны, например, основатель современной французской музыкальной группы «Blacklodge» (его псевдоним) или современная американская певица Энни Эрин Кларк с тем же псевдонимом.

Отсутствие однозначной интерпретации также относится и к католическому святому Лоренцо (San Lorenzo) и православному

святому Лаврентию. Римской-католической церковью почитается 11 святых Лоренцо, а православными церквями – в частности, Русской православной церковью, – 5 святых Лаврентиев, один из которых – архидьякон Лаврентий Римский (III в.), почитается и католиками и православными, будучи признан святым до разделения христианских церквей на православие и католицизм. Остальные святые Лаврентии (святые Лоренцо) в обоих христианских направлениях отличаются. В католицизме 10 своих святых Лоренцо. В православии 4 своих святых Лаврентиев:

Лаврентий (1130-е – 1184) – епископ Туровский (ок. 1172), подвизался в Киево-Печерском монастыре.

Лаврентий Калужский (ум. 1515) – юродивый, живший при дворе удельного князя Семена Ивановича, местночтимый святой.

Лаврентий Черниговский (Лука Евсеевич Проскура, 1868–1950) – архимандрит, причислен к лику святых в 1993 г.

Лаврентий Балахнинский (Евгений Иванович Князев, 1877–1918) – священномученик, епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии, причислен к лику святых Русской православной церкви в 2000 г.²¹

Какая ассоциация возникнет в сознании православных верующих, увидевших на этикетке наименование «SAINT VINCENT», «St. Vincent», «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo», и возникнет ли она вообще при связывании имени святого Винсента с кем-то из святых Викентиев, или святого Лоренцо с кем-то из святых Лаврентиев, представить затруднительно, так же как и утверждать конкретное тождество именованья «SAINT VINCENT», «St. Vincent» и, аналогичным образом, «SAN LORENZO», «Colle San Lorenzo» на винной этикетке и контрэтикетке, не подкрепленное изображением лика святого, с кем-либо из конкретных святых.

Заключение

В заключение отметим, что оскорбительным для верующих и неверующих могло бы являться не наименование тех или иных вин или других алкогольных напитков с их товарными знаками, а чрезмерное употребление алкоголя и возникающее по этой причине асоциальное поведение, что определяется не этикеткой и даже не содержимым бутылок, а совсем другими причинами, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи. Ибо сказано

²¹ Подробнее см.: Святой Лаврентий (значения). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Лаврентий_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Лаврентий_(значения)) (дата обращения 13.04.2022).

в Библии: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством...» (Лк., 21:34).

Примечательно, что за 20 лет с момента регистрации и начала использования товарного знака SAINT VINCENT и тысяч аналогичных товарных знаков, не было зафиксировано ни одного случая обращения верующих с жалобой на оскорбление их чувств.

Вспомнив же о том, какая коллизия подтолкнула авторов к написанию данной статьи, еще раз подчеркнем – перед нами очевидный спор хозяйствующих субъектов, связанный с их коммерческой выгодой, где одной из сторон религия использована лишь как предлог.

В то время как религия – имя существительное.

Источники

- Вевюрко 2008 – *Вевюрко И.С.* Символы религиозные // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1166.
- Гараджа 2008 – *Гараджа В.И.* Религиозная мораль // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1061–1062.
- Гараджа 2006 – *Гараджа В.И.* Религия и мораль // Религиоведение: Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 886–888.
- Давыдов 2008а – *Давыдов И.П.* Святость // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1135–1136.
- Давыдов 2008b – *Давыдов И.П.* Святых культ // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1138–1139.
- Забияко 2008 – *Забияко А.П.* Святое // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1134–1135.
- Несмиянова, Семанов 2008 – *Несмиянова О.В., Семанов А.М.* Святые: Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1136–1137.
- Овсиенко 2008 – *Овсиенко Ф.Г.* Канонизация // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 616–617.
- Элбакян 2014а – *Элбакян Е.С.* Светское государство // Религии России: Словарь-справочник. М.: Энциклопедия, 2014. С. 238–239.
- Элбакян 2014b – *Элбакян Е.С.* Светскость // Религии России: Словарь-справочник. М.: Энциклопедия, 2014. С. 239.

Информация об авторах

Анатолий В. Пчелинцев, доктор юридических наук, Славянский правовой центр, Москва, Россия; 115035, Москва, Россия, 3-й Кадашевский пер., д. 5, advocatavp@yandex.ru

Екатерина С. Элбакян, доктор философских наук, Российская академия образования, Москва, Россия; 119121, Москва, Россия, Погодинская ул., д. 8, elbakyanes@gmail.com

Information about the authors

Anatoly V. Pchelintsev, Dr. of Sci. (Law), Slavic Centre for Law and Justice, Moscow, Russia; bld. 5, 3rd Kadashevsky Line, Moscow, Russia, 115035, advocatavp@yandex.ru

Ekaterina S. Elbakyan, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya St., Moscow, Russia, 119121, elbakyanes@gmail.com

Трансформация инструментов давления на российские религиозные объединения в 2000-е гг.

Ольга А. Сибирева,

*Информационно-аналитический центр «Сова»,
Москва, Россия, olsib@sova-center.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы регулирования религиозной жизни государственными структурами, использование различных способов ограничения деятельности религиозных объединений в России, появление новых инструментов давления на верующих и религиозные организации на уровне законодательства и правоприменения в 2000–2022 гг. Анализируется соответствие этих механизмов заявленным при их разработке целям и эффективность применения, а также последствия использования этих механизмов для самих религиозных организаций как традиционных, так и религиозных меньшинств. Также рассматриваются последствия государственного давления на религиозные объединения, на состояние религиозной свободы в стране и уровень общественной и государственной безопасности. Речь идет о применении к религиозным объединениям норм антиэкстремистского законодательства, изменениях закона «О свободе совести и религиозных объединениях» и прочего законодательства, регулирующего религиозную сферу, а также о неправомерном привлечении представителей различных религиозных организаций к уголовной и административной ответственности.

Ключевые слова: религиозные объединения, религиозные меньшинства, законодательство, экстремизм, миссионерство

Для цитирования: Сибирева О.А. Трансформация инструментов давления на российские религиозные объединения в 2000-е гг. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 58–69. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-58-69

Transformation of instruments of pressure on Russian religious associations in the 2000s

Olga A. Sibireva

*SOVA Center for Information and Analysis,
Moscow, Russia, olsib@soca-center.ru*

Abstract. The article considers the mechanisms of regulation of religious life by state structures, the use of various methods of restricting the activities of religious associations in Russia, the emergence of new instruments of pressing the believers and religious organizations at the level of legislation and law enforcement in 2000–2022. It analyzes the correspondence of these mechanisms to the goals declared during their preparation and the effectiveness of their application, as well as the consequences of using these mechanisms for the religious organizations themselves, both traditional and religious minorities. The author also reviews the consequences of state pressure on religious associations on the state of religious freedom in the country and the level of public and state security. Furthermore is referring to the application of anti-extremist legislation to religious associations, changes to the law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” and other legislation regulating the religious sphere, as well as the inappropriate bringing of representatives of various religious organizations to criminal and administrative liability.

Keywords: religious associations, religious minorities, legislation, extremism, missionary activity

For citation: Sibireva, O.A. (2022), “Transformation of instruments of pressure on Russian religious associations in the 2000s”, *Studia Religiosa Rossica: a scientific journal about religion*, no. 3, pp. 58–69, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-58-69

Российское государство традиционно уделяет большое внимание религиозным объединениям, видя в них не просто часть общественной жизни, но и важную составляющую борьбы за безопасность.

Религиозная политика государства сводится к постоянно усиливающемуся контролю над религиозными объединениями, и в первую очередь религиозными меньшинствами, которые, с точки зрения многих чиновников, сами могут представлять угрозу общественной и даже государственной безопасности. Причем под религиозными меньшинствами зачастую понимаются не только протестантские церкви и новые религиозные движения, но и представители некоторых вполне «традиционных» религиозных объединений.

В результате стремление государства контролировать деятельность религиозных объединений на практике выливается в постоянно растущий список ограничений практически всех форм деятельности верующих и религиозных организаций.

Рассмотрим, какие инструменты для этого использовало государство в прошедшие два десятилетия.

Антиэкстремистское законодательство. На протяжении многих лет одним из основных инструментов давления на религиозные организации остается законодательство, направленное на противодействие экстремистской деятельности. Учитывая неопределенность и многовариантность интерпретаций даже самого термина «экстремизм», это законодательство оставляет много возможностей для манипулирования, и правоприменители активно использовали эти возможности.

Первыми в полной мере ощутили на себе его последствия мусульманские организации. Под эгидой борьбы с радикальными исламскими течениями представители силовых структур в разных регионах страны регулярно проводили рейды в мечетях, что, по свидетельствам самих мусульман и правозащитников, зачастую сопровождалось процессуальными нарушениями.

В течение рассматриваемого периода суды неоднократно признавали мусульманские издания экстремистской литературой, по мнению многих экспертов, без должных на то оснований. Одним из самых известных стало решение Ленинского районного суда города Оренбурга от 18 июня 2012 г. о признании экстремистскими материалами сразу 68 исламских книг, брошюр и статей. Через несколько лет 50 из 68 изданий были исключены из списка экстремистской литературы. Однако этот список постоянно пополняется новыми мусульманскими изданиями, за распространение которых верующих привлекают к административной, а иногда и уголовной ответственности.

Кроме того, целый ряд мусульманских организаций в течение рассматриваемого периода были запрещены как экстремистские. Например, Верховный суд РФ 14 февраля 2003 г. признал террористической и запретил на территории России организацию «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», 10 апреля 2008 г. признал экстремистской и запретил на территории России деятельность организации «Нурджулар», а 7 мая 2009 г. вынес аналогичное решение в отношении международного религиозного объединения «Таблиги Джамаат».

Юристы, правозащитники и религиоведы выражали сомнения по поводу обоснованности этих решений, поскольку в России последователи этих организаций не были замечены в террористической деятельности или призывах к насилию. В случае же «Нурджулар» речь де-факто вообще шла о необъединенных в какую-либо

организацию последователях турецкого богослова Саида Нурси, деятельность которых сводится к изучению его трудов. Тем не менее после вынесения решения о запрете этих, а также нескольких других мусульманских организаций их последователи стали подвергаться уголовному преследованию. Во многих случаях в качестве наказания им назначались реальные сроки лишения свободы, причем сроки немалые, а эти решения в большинстве случаев суды выносили только на основании принадлежности верующих к упомянутым организациям.

Например, Центральный окружной военный суд в Екатеринбурге приговорил жителя Казани Эдуарда Низамова к 23 годам колонии строгого режима с взысканием в пользу государства 200 тысяч рублей. Суд счел его «лидером российского крыла» «Хизб ут-Тахрир» и признал виновным по ч. 1 ст. 205.1 (склонение к участию в террористической деятельности), ч. 1 ст. 205.5 (организации деятельности террористической организации), ч. 1 ст. 30 и ст. 278 УК РФ (покушение на насильственный захват власти).

Несмотря на то что многие из последователей этих организаций, как, например, почитатели Нурси, в течение прошедших с момента запрета лет успели выехать за пределы России, против них продолжают возбуждать уголовные дела и выносить приговоры. Присоединение же к России Крыма, где многие из этих организаций продолжали легально действовать уже после запрета их в России, привело к новому всплеску уголовного преследования их сторонников.

Отработанная на мусульманах схема вскоре была применена к Свидетелям Иеговы. Со второй половины 2000-х гг. силовики постоянно препятствовали их исповеднической деятельности, задерживая верующих во время поквартирных обходов. При этом у них нередко изымали литературу, а самих задержанных доставляли в отделения полиции, где принудительно снимали отпечатки пальцев.

Как и в случае с мусульманами, суды признали экстремистской литературой несколько книг Свидетелей Иеговы, после чего последовал запрет ряда местных религиозных организаций: с 2009 по 2016 г. были запрещены как «экстремистские» местные религиозные организации Свидетелей Иеговы в Таганроге, Абинске, Самаре, Белгороде и Старом Осколе.

Наконец, 20 апреля 2017 г. Верховный суд РФ вынес решение о признании экстремистскими и запрете централизованной и всех 395 местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы. Подчеркивалось, что решение не означает запрета вероисповедания Свидетелей Иеговы, однако на практике все оказалось иначе.

Вскоре после вынесения этого решения началось уголовное преследование Свидетелей Иеговы по ст. 282² (организация и участие в деятельности экстремистской организации) и ст. 282³ УК РФ (финансирование экстремистской деятельности), масштабы которого позволяют сравнивать его с репрессиями в отношении верующих советского периода. Так, по информации самих Свидетелей Иеговы, с момента запрета к 20 апреля 2022 г. у верующих было проведено 1750 обысков в 75 регионах, обвиняемыми по уголовным делам стали 620 человек. При этом часть из них в процессе расследования этих дел подвергались пыткам – жалобы на это поступили от 22 верующих¹.

Приговоры за продолжение деятельности экстремистской организации, которое де-факто сводится к совместной молитве, чтению религиозной литературы и исповеданию, отличает несоразмерная деянию жестокость. Нередко в качестве наказания назначаются реальные сроки, к ним по состоянию на апрель 2022 г., по подсчетам Свидетелей Иеговы, было приговорено не менее 60 человек, из них 35 – на срок более трех, а 20 – более шести лет. Причем среди отправленных в колонию есть пожилые люди, например, в феврале 2021 г. к двум годам колонии была приговорена 69-летняя Валентина Барановская, которая позже была освобождена по УДО. В мае 2022 г. в Прокопьевске Кемеровской области на семь лет колонии был осужден 53-летний Андрей Власов, инвалид II группы.

Всего же к концу мая 2022 г., по данным Информационно-аналитического центра «Сова», в колониях и СИЗО находилось не менее 88 человек.

Очевидно, что власти не намерены отказываться от использования этого инструмента и готовы применять его и в отношении других религиозных объединений. Так, в апреле 2021 г. Таганский суд Москвы признал экстремистской книгу епископа Православной Церкви Божией Матери «Державная» Иоанна (Береславского) «Роза серафитов. Богомильское евангелие», что открывает возможность для признания «экстремистской» и самой религиозной организации.

Ограничение миссионерской деятельности. Говоря об антиэкстремистском законодательстве, нельзя не упомянуть об одобренных в июне 2016 г. в рамках пакета антиэкстремистских законопроектов Яровой–Озерова поправках, регулирующих миссионерскую деятельность, поскольку очень быстро после вступления в силу

¹ Свидетели Иеговы подвели итоги пяти лет с момента запрета // Информационно-аналитический центр «Сова». 2022. 29 апреля. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2022/04/d46207/> (дата обращения 14.04.2022).

они стали одним из самых заметных факторов, влияющих на жизнь религиозных организаций.

Под миссионерской деятельностью эти поправки подразумевают распространение религиозным объединением информации о своем вероучении с целью привлечения новых участников. При этом поправки жестко ограничили список как тех, кто может распространять такую информацию, так и мест, где можно этим заниматься. Размытость формулировок позволила правоприменителям очень широко толковать нормы нового закона и объявлять миссионерской практически любую деятельность верующих за пределами богослужебного помещения.

На практике поводом для привлечения к ответственности по ст. 5.26 КоАП РФ (нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях) становилось, например, наличие рядом с церковью детской площадки, поскольку дети – а на ней играли, естественно, дети прихожан этой церкви, – находясь на площадке, могли слышать молитвы и проповеди. Неоднократно верующие привлекались к ответственности за миссионерство в Интернете – таковым могло считаться объявление о времени богослужения или приглашение для верующих на церковное мероприятие. Например, студентка Нижегородской медицинской академии Кудзай Нямаребву из Зимбабве в 2018 г. за такое деяние была привлечена к ответственности дважды: первый раз – по ч. 2 ст. 18.8 КоАП («Нарушение иностранным гражданином режима пребывания в РФ, выразившееся в несоответствии заявленной цели въезда в РФ фактически осуществляемой в период пребывания в РФ деятельности или роду занятий»), когда она опубликовала приглашение на концерт африканской музыки, проходивший в церкви пятидесятников. Второй – по ч. 5.26 КоАП, когда рассказала о суде в интервью.

В большинстве же случаев деяниями, подпадавшими под действие этой статьи, становилось отсутствие маркировки на литературе, отсутствие (или присутствие не в том, с точки зрения проверяющих, месте) таблички с названием религиозного объединения, приглашение на богослужение или церковное мероприятие и т. п. Чаще всего в качестве наказания на виновных налагается штраф.

Разработчики поправок объясняли их появление необходимостью ограничивать деятельность проповедников, вовлекающих граждан в опасные зарубежные религиозные организации, под которыми подразумевались, главным образом, радикальные исламские течения. На практике же долгое время основной мишенью этих поправок оставались российские протестантские церкви и новые религиозные движения (НРД), ранее не замеченные в экстремистской деятельности. Через несколько лет их применение

было расширено почти на все религиозные организации, за исключением Русской православной церкви. Иногда мусульмане обходили протестантов по количеству привлеченных к ответственности по этой статье – например, по данным агентства Forum 18, так было в 2019 г. Но по большей части периода применения этих поправок от них страдали именно протестантские общины².

О реально установленных с помощью «антимиссионерского» законодательства религиозных экстремистах до сих пор неизвестно. Пожалуй, самыми опасными из привлеченных к ответственности по этой статье можно считать симпатизирующих нацистам язычников – в августе 2021 г. по ч. 4 ст. 5.26 КоАП был оштрафован один из лидеров староверов-инглингов в Ростовской области. Однако поводом для штрафа стали не его пронацистские взгляды, а организованные им гуляния на берегу Дона в день языческого праздника.

В целом же можно констатировать, что за шесть лет, прошедших с момента принятия поправок Яровой–Озерова, религиозные организации научились успешно противостоять их неправомерному применению. Об этом свидетельствует постепенное снижение количества дел по ст. 5.26, основную часть которых составляют именно дела о «незаконном» миссионерстве.

Например, по данным Судебного департамента Верховного суда РФ, в 2018 г. суды рассмотрели 419 таких дел, наказанию по ним подверглись 250 лиц (172 физических и 78 юридических). В 2021 г., по данным того же департамента, количество рассмотренных за год дел сократилось до 153, а наказанию по ним подверглись 92 лица (56 физических, 33 юридических и три должностных)³.

Законодательство, регулирующее деятельность религиозных объединений. Законодательство, регулирующее религиозную сферу, на протяжении анализируемого периода постоянно подвергалось корректировке. В частности, последовательно ужесточались требования к деятельности религиозных групп – самой неподконтрольной форме существования религиозного объединения. Изменения касались в основном формы отчетности: в нее требовалось включать все больше сведений.

² Victoria Arnold RUSSIA: 142 known “anti-missionary” prosecutions in 2019–20 // Forum 18. 2020. 19 August. URL: http://www.forum18.org/archive.php?article_id=2593&fbclid=IwAR2bWjbxXks7QDxRXWrbFuUvh0DBTBPWnuQuVik8JcZf5REKheI-hsTqBEkQ (дата обращения 14.04.2022).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1-е полугодие 2021 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. 2021. 18 октября. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения 14.04.2022).

Однако чаще других изменениям подвергался основополагающий для религиозной жизни закон – «О свободе совести и о религиозных объединениях». Одно из последних нашумевших изменений в него было внесено в 2021 г. Самой обсуждаемой из поправок в этот закон стала норма, обязывающая священнослужителей, получивших религиозное образование за рубежом, пройти в России переаттестацию и получить дополнительное профессиональное образование. Для многих конфессий это требование выглядит прямой дискриминацией ввиду того, что все их духовные школы находятся за рубежом.

Однако остальные поправки могут усложнить жизнь религиозных объединений намного серьезнее. Эти поправки распространили на религиозные группы ряд репрессивных норм, ранее уже введенных для НКО: в частности, существенно увеличили круг лиц, кому запрещено становиться руководителем и даже участником религиозной группы. Такой запрет касается иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято решение о нежелательности пребывания в РФ; лиц, включенных в перечень экстремистов и террористов Росфинмониторинга или в отношении которых вступило в силу решение суда, установившее в их действиях признаки экстремистской деятельности; тех, чьи счета были заморожены Межведомственной комиссией по противодействию финансированию терроризма.

Учитывая, что в упомянутые списки Росфинмониторинга включаются не только осужденные по экстремистским статьям, но даже подозреваемые, проходившие по делу, но не получившие обвинения, можно констатировать, что новые поправки фактически лишают этих людей закрепленного в Конституции РФ права на коллективное исповедание своей религии.

Более чем за полгода действия этих поправок верующие пока не ощутили на себе негативных последствий, если не считать требования Департамента национальной политики и межрегиональных связей Москвы в сентябре 2021 г., еще до вступления поправок в силу, потребовавшего от религиозных организаций предоставить данные о священнослужителях и сотрудниках религиозных организаций, прошедших обучение за рубежом. Однако пример применения предыдущих репрессивных норм заставляет предполагать, что деятельность религиозных объединений и права верующих будут ограничены еще больше.

Показательно, что в случае этих поправок их разработчики не стали выделять отдельные религиозные течения, деятельность которых следует ограничить как представляющую угрозу, а сразу распространили репрессивные нормы на всех верующих.

Признание деятельности религиозных организаций нежелательной. В 2021 г. появился еще один инструмент давления на религиозные объединения: включение религиозных организаций в число организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории РФ. В течение года нежелательной была признана деятельность четырех базирующихся на территории Латвии и Украины организаций протестантской церкви «Новое поколение»: международного христианского движения «Новое поколение» (Латвийская Республика), Evangelisko kristiesu baznīca Jauna Paaudze (Евангельская христианская церковь «Новое Поколение», Латвийская Республика), Духовне Управління Євангельських Християн Української Християнської Церкви «Нове Покоління» (Духовное управление евангельских христиан Украинской христианской церкви «Новое Поколение», Украина), Духовний Навчальний Заклад Міжнародний Біблійний Коледж «Нове Покоління» (Духовное учебное заведение «Международный библейский колледж “Новое Поколение”», Украина); двух американских организаций Церкви саентологии: «Всемирного института саентологических предприятий» (World Institute of Scientology Enterprises International, США) и «Церкви духовной технологии» (Church of Spiritual Technology, L. Ron Hubbard Library, США).

Признание организации нежелательной означает запрет на создание в России ее структурных подразделений, прекращение деятельности уже существующих и остановку ее программ и проектов, реализовывавшихся на территории России; запрет на распространение издаваемых такой организацией информационных материалов; запрет на участие в деятельности этой организации.

Несмотря на то что нежелательной была признана деятельность зарубежных религиозных организаций, последствия коснулись уже и их российских единоверцев. В декабре 2021 г. сотрудники МВД, ФСБ, Центра «Э» и прокуратуры сорвали проходившую в подмосковном Раменском конференцию с участием протестантских священнослужителей. Вооруженные силовики ворвались в помещение, уложили присутствовавших, в том числе женщин, на пол, избili несколько человек, напугали детей и задержали около 200 участников, более чем на 60 человек из них были составлены протоколы по ст. 20.33 КоАП РФ (участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности). При этом в протоколах в качестве организатора конференции значилось признанное нежелательным Международное движение христианских церквей «Новое поколение», тогда как на самом деле

организаторами выступили российские пятидесятники – Централизованная религиозная организация христиан веры евангельской (пятидесятников) «Новое поколение».

Тогда же проживавшему несколько лет в Краснодарском крае гражданину Украины было отказано в виде на жительство: по данным ФСБ, он принадлежал к одной из украинских организаций «Нового поколения», тогда как сам он заявлял, что относится к религиозной группе евангельских христиан, входящей в один из российских протестантских союзов. В феврале 2022 г. по ст. 20.33 КоАП был оштрафован на пять тысяч рублей пастор кемеровской церкви «Новое поколение» Андрей Матюжов, опубликовавший на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» интервью с лидером украинского «Нового поколения» Андреем Тищенко. Кроме того, в том же месяце по решению городского суда Анапы была заблокирована страница в этой же соцсети, принадлежавшая местной церкви «Новое поколение».

Российские саентологи, чтобы избежать возможного преследования за сотрудничество с нежелательной организацией, предпочли прекратить деятельность своих церквей и продолжили существовать как религиозные группы.

Уголовное преследование религиозных организаций. Не стоит забывать и об «обычном» законодательстве, нормы которого применяются к представителям религиозных объединений. В течение последних нескольких лет усилилось уголовное преследование религиозных организаций по разным статьям. Так, Институт верховенства права отмечает в 2020–2021 гг. увеличение количества дел по ст. 239 УК РФ (создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением), заведенных в отношении российских протестантов⁴.

В Омске дело по этой статье было возбуждено в отношении пастора Церкви евангельских христиан «Новое Творение» Станислава Москвитина, подозреваемого в оказании психологического давления на прихожан. В Рязани – в отношении руководительницы группы евангельских христиан Светланы Колышкиной, обвиняемой в причинении морального вреда и психологического насилия над одной из прихожанок, не смотря на то, что сама прихожанка факт такого насилия отрицает.

⁴ Доклад Института верховенства права: право на свободу мысли, совести и религии в России в 2020–2021 гг. // Религия и право. 2022. 20 апреля. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=544&ELEMENT_ID=8397 (дата обращения 14.04.2022).

Дело по той же статье рассматривается и в отношении руководителей Церкви последнего завета Сергея Торопа (Виссариона), Вадима Редькина и Владимира Ведерникова, которые обвиняются еще и по статьям 111 и 112 УК РФ (умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью), поводом для чего стало обвинение в психологическом насилии в отношении своих последователей в 1990-х и начале 2000-х гг. Также по ст. 239 обвиняется руководитель псковской православной общины «непоминающих» Сергей (Эдуард Агеев).

Упомянем также уголовное дело в отношении руководителей Саентологической церкви в Петербурге, обвиняемых сразу по нескольким статьям, а также вынесенный в мае 2022 г. приговор настоятелю храма Летающего макаронного монстра в Нижнем Новгороде Михаилу Иосилевичу, получившему реальный срок за соучастие с нежелательной организацией.

На первый взгляд эти не похожие друг на друга дела не имеют ничего общего. Однако сам факт применения уголовных статей к религиозным организациям в таком количестве свидетельствует о том, что государство стремится ограничить деятельность даже самых немногочисленных и безобидных из них, видя в них неведомую угрозу.

Выводы. Появление все новых и новых инструментов для контроля и ограничения деятельности религиозных объединений свидетельствует, в первую очередь, об их неэффективности. Это неудивительно, учитывая, что большая часть таких инструментов де-факто используется не для той цели, которая декларировалась при их разработке.

Одновременно использование все большего числа таких инструментов свидетельствует о приверженности государства репрессивному курсу по отношению к религиозным объединениям. Масштабы этих репрессий уже таковы, что их уместно сравнивать с преследованиями верующих советского времени.

По сути, использование всех упомянутых инструментов сводится к расширению как формально так и де-факто, списка «неблагонадежных» религиозных организаций. На начальном этапе в формировании этого списка прослеживалась определенная логика, поскольку основанием для признания организации экстремистской объявлялась связь ее последователей – реальная или мнимая – с террористическими организациями и исламскими боевиками. Однако со временем к экстремистским и нежелательным организациям были причислены и законопослушные пацифисты, лояльные светским властям, хотя и не стремящиеся к тесному сотрудничеству с ними (Свидетели Иеговы), а также лояльные и стремящиеся к такому сотрудничеству и, более того, вписанные

в одобренные властями социальные проекты религиозные объединения – пятидесятники и другие протестантские деноминации, а также саентологи.

Очевидно, что власти руководствуются не только ставшим давно привычным, а, по мнению многих чиновников, законодательно закрепленным делением религиозных объединений на «традиционные» и «нетрадиционные» (читай – «зарубежные»). В число «неблагонадежных» наряду с религиозными объединениями, имеющими центры за рубежом, попали и имеющие российское происхождение Церковь последнего завета и Церковь Божией Матери «Державная». Фактически власти, ужесточая давление на большинство религиозных организаций, подтверждают, что относят к опасному и «экстремистскому» всю религиозную сферу.

Систематическим давлением на религиозные объединения со стороны государства формируется представление о части граждан как о «неправильных» верующих, которые могут быть опасны и нарушение прав которых оправданно. Однако жесткий прессинг со стороны государства по отношению к религиозным объединениям может привести к тому, что изначально лояльные властям верующие утратят эту лояльность, а часть их радикализируется.

Таким образом, инструменты, используемые властями для регулирования деятельности религиозных объединений, призванные, среди прочего, защитить государственную безопасность, можно определить, как минимум, неэффективными для решения этой задачи.

Информация об авторе

Ольга А. Сибирева, Информационно-аналитический центр «Сова», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Лучников пер., д. 4; olsib@sova-center.ru

Information about the author

Olga A. Sibireva, SOVA Center for Information and Analysis, Moscow, Russia; bld. 4, Luchnikov Line, Moscow, Russia, 101000; olsib@soca-center.ru

УДК 2-79

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-70-85

К вопросу о периодизации истории антикультизма в постсоветской России

Сергей И. Иваненко

Независимый исследователь, Москва, Россия,

ivasin53@mail.ru

Аннотация. В работе исследуется феномен антикультизма и предложена его периодизация по степени воздействия сектоборчества на формирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Динамика возрастания роли антикультизма в постсоветской России доказывает, что он привносит в государственную политику ксенофобию по отношению к религиозным меньшинствам, раскалывает общество по конфессиональному признаку, подвергая последователей так называемых «сект» маргинализации и дискриминации. Для такой многоконфессиональной страны, как Россия, антикультизм как идеологическая основа государственно-церковных отношений – это путь к острым конфликтам и усилению репрессий против религиозных меньшинств.

Ключевые слова: антикультизм, периодизация истории антикультизма в современной России, государственно-конфессиональные отношения, религиозные меньшинства

Для цитирования: Иваненко С.И. К вопросу о периодизации истории антикультизма в постсоветской России // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 70–85. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-70-85

Periodization of anti-cultism in post-Soviet Russia

Sergey I. Ivanenko,

Independent scholar, Moscow, Russia, ivasin53@mail.ru

Abstract. The article deals with post-Soviet Russian anti-cultism (anti-cult or Countercult movement) and presents its periodization regarding the impact of anti-cultism on the formation of state-confessional relations in the Russian

© Иваненко С.И., 2022

Federation. The dynamic growing of anti-cultism in Russian politics shows that it brings xenophobia towards religious minorities, causes denominational splits and conflicts, marginalizes and discriminates the followers of the so-called 'sects'.

Anti-cultism as an ideological foundation for the state-church relationships in the multi-religious Russian society inevitably causes conflicts and enhances persecution against religious minorities.

Keywords: anti-cultism, periodization of the anti-cultism history in modern Russia, state-confessional relations, religious minority

For citation: Ivanenko, S.I. (2022), "Periodization of anti-cultism in post-Soviet Russia", *Studia Religiosa Rossica: a scientific journal about religion*, no. 3, pp. 70–85, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-70-85

Определение антикультизма

Антикультизм, или антикультовое движение – это общее название для объединений, групп, отдельных энтузиастов, выступающих против новых религиозных движений, пренебрежительно именуемых культами или сектами¹. И если в США [Гордус 2008, с. 11–15] и Западной Европе антикультизм теряет свое влияние, то в современной России он набирает «вес», превратившись в важный компонент государственно-конфессиональных отношений [Иваненко 2017, с. 25–40].

В чем суть российского антикультизма?

В 1993 г. я познакомился с некоторыми сотрудниками Отдела катехизации и религиозного образования Московского Патриархата, в том числе и с Александром Дворкиным, который считался в отделе ведущим специалистом по борьбе с «сектами». У нас состоялась обстоятельная беседа, в результате которой я пришел к выводу, что «антисектантская» деятельность Отдела катехизации и религиозного образования, а также других структур Московского Патриархата потенциально представляет значительную опасность для свободы совести в России.

У меня сложилось определенное понимание личности А.Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная

¹ Кантеров И.Я. Антикультовое движение // Религиоведение: Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 48.

демагогия и слабое знание предмета обсуждения – мне показалось, что передо мной Хлестаков² собственной персоной.

Двух Александров (Хлестакова и Дворкина) роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что патологический лгун, произнося ложные утверждения, уверен в том, что говорит правду³.

В отличие от Александра Хлестакова, который выдавал себя за важную персону с обширными связями в высших эшелонах общества, но в реальности этих связей не имел, Александр Дворкин смог установить контакты с «сильными мира сего». В частности, его учеником был министр юстиции Российской Федерации А.В. Коновалов⁴, получивший православное богословское образование в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете⁵.

А.Л. Дворкин не собирался изучать никаких новых для России религиозных движений или «сект». По его мнению, как человек православный, да еще и сотрудник Московской Патриархии, он не имеет права общаться с «еретиками и сектантами». Он был горд своими познаниями и фанатично убежден, что знает все о «сектах» лучше всех. «Где же Вы берете информацию о новых религиозных движениях в России?» – спросил я Дворкина. «Все, что необходимо знать, уже издано на Западе антикультурными организациями», – ответил он [Иваненко 1995, с. 20–24].

Дело в том, что А.Л. Дворкин и его единомышленники видели свою задачу прежде всего в том, чтобы побудить государственные органы запретить новые религиозные движения. Или существенно ограничить права тех «сект», которые не удастся полностью поставить вне закона: ввести ежегодную перерегистрацию

² Иван Александрович Хлестаков – персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836), вдохновенный и беззастенчивый лгун и хвостун (отсюда выражение «хлестаковщина»). В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова «хлестаковщина» определяется как «беззастенчивое хвостовство».

³ Согласно некоторым экспериментальным данным, которые приведены в октябрьском выпуске «Британского журнала психиатрии» за 2005 г., в префронтальной коре мозга патологических лжецов на 14% уменьшен объем нейронов и на 22% увеличен объем нервных волокон.

⁴ Александр Владимирович Коновалов (род. 1968, Ленинград), министр юстиции Российской Федерации с 12 мая 2008 по 15 января 2020 г. С 31 января 2020 г. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном суде Российской Федерации.

⁵ Интервью А.В. Коновалова // Российская газета. 2007. 19 июля. URL: <https://rg.ru/2007/07/19/konovlov.html> (дата обращения 14.04.2022).

«сектантских» организаций, запретить их выступления в средствах массовой информации, подключить к борьбе с ними правоохранные органы и психиатров. По мнению этих антикультистов, новые религиозные движения – это псевдорелигии, и борьба с ними должна иметь не миссионерский, а полицейский характер.

А.Л. Дворкин и другие антикультисты внушали представителям органов власти и сотрудникам правоохранительных органов, что «секты» являются не только криминальными организациями, но и агентами влияния иностранных спецслужб и проводниками чуждых культур, разрушающих российскую государственность. Антикультисты предлагали усиливать государственный контроль за духовным состоянием общества, наращивать противостояние «разрушительному воздействию сект».

Приходится признать, что российские власти оказались восприимчивы к воздействию антикультистской мифологии. Если Борис Ельцин в целом придерживался принципов свободы совести, то его преемники все в большей степени подпадали под влияние антикультистских представлений.

Четыре основных этапа возрастания роли антикультизма в современной России

По моим наблюдениям, антикультивое движение прошло в Российской Федерации четыре основных этапа.

Первый этап распространения и усиления влияния антикультизма начался в 1991 г., когда распался Советский Союз и появилась независимая Российская Федерация. А завершился он в 2004 г., когда антикультисты одержали первую заметную победу, добившись запрета и ликвидации московской общины Свидетелей Иеговы.

На *первом этапе* (1991–2004) антикультизм имел поддержку части населения, обеспокоенного быстрым распространением новых религиозных движений в России. В начале 1990-х гг. возникли и были активны различные родительские комитеты, борющиеся против религиозного выбора своих детей, пополнивших ряды последователей новых религиозных движений.

Антикультистские идеи разделяли влиятельные деятели Русской православной церкви (далее – РПЦ), некоторые протестантские пасторы, опасавшиеся конкуренции зарубежных проповедников, часть представителей властных структур и сотрудников государственного аппарата и правоохранительных органов.

Одним из первых среди правозащитников разглядел опасность распространения антикультулизма священник Глеб Якунин. Общественный комитет защиты свободы совести (о. Глеб Якунин, Лев Левинсон, Михаил Осадчев) подали иск в Хорошевский суд г. Москвы к А.Л. Дворкину о защите чести, достоинства и деловой репутации и опровержении порочащих сведений, содержащихся в брошюре «Десять вопросов навязчивому незнакомцу» в отношении ряда новых религиозных движений.

Судебный процесс продолжался с 3 апреля по 21 мая 1997 г. Суд отклонил иск Общественного комитета защиты свободы совести. Силы оказались неравны. На стороне А.Л. Дворкина в качестве «соответчика» выступил Отдел катехизации и религиозного образования Московского Патриархата, в качестве «третьего лица без самостоятельных требований» – Издательский совет Московского Патриархата. Председатель Издательского совета епископ Тихон (Емельянов)⁶ выступил в суде в поддержку А.Л. Дворкина, ссылаясь при этом на благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

На следующий день после того, как Хорошевский суд отклонил иск Общественного комитета защиты свободы совести, председатель комитета священник Глеб Якунин выступил с заявлением «Противники новых религиозных движений наступают на Россию». Как отметил отец Глеб, «антисектантское движение, само представляющее собой своеобразную хорошо организованную секту, усердно собирает компромат на попавшие в черный список движения, не замечая ничего хорошего в новых религиозных объединениях и не замечая также, что в традиционных религиях сплошь и рядом происходит то же самое» [Иваненко 1998, с. 191].

Священник Глеб Якунин и Общественный комитет защиты свободы совести внесли значительный вклад в осмысление негативной роли антикультулизма и его тесной связи с руководством РПЦ. «В последнее время, – писал священник Глеб Якунин в 1998 г., – Моспатриархия развязала истерическую кампанию против новых религиозных движений, не без основания считая некоторые из них

⁶ Тихон (в миру Емельянов Леонид Григорьевич) 16 июля 1995 г. был назначен председателем Издательского совета РПЦ и главным редактором Издательства Московской Патриархии с титулом епископа Бронницкого, викария Московской епархии. 25 февраля 2000 г. возведен в сан архиепископа. 28 декабря 2000 г. освобожден от должности председателя Издательского совета и переведен на Новосибирскую кафедру. 8 января 2012 г. возведен в сан митрополита. Решением Священного Синода от 28 декабря 2018 г. назначен главой Владимирской митрополии, с освобождением от управления Новосибирской епархией.

серьезными конкурентами. Обвиняя другие религиозные организации в подавлении свободы личности своих членов и лишении их основных гражданских прав, Патриархия действует по известному методу “держи вора”. Утвердив на государственном уровне кабальный устав своих приходов, полностью экспроприировав имущество церковных общин... сделав крепостными своих служителей, “красная церковь” сама превратилась в типичную тоталитарную секту» [Крест и молот 1998, с. 70].

Сформулированные о. Глебом Якуниным идеи заслуживают самой высокой оценки и требуют дальнейшего развития.

Особенностью первого этапа усиления влияния антикультизма можно считать отсутствие монополии последователей антикультистских идей в органах государственной власти. Так, запрет и ликвидация московской общины Свидетелей Иеговы по решению Головинского районного суда Москвы 26 марта 2004 г. состоялись в результате двух гражданских судебных процессов, длившихся в общей сложности около шести лет (с сентября 1998 по март 2004 г.).

Инициаторами и активными участниками процессов против московской общины Свидетелей Иеговы были члены «Комитета по спасению молодежи от тоталитарных сект», которые подали свою первую жалобу в прокуратуру еще в 1995 г. и методично подавали одну жалобу за другой на протяжении многих лет.

Как участник первого судебного процесса в Головинском суде (сентябрь 1998 – февраль 2001 г.), завершившегося отклонением иска прокуратуры и победой Свидетелей Иеговы, обратил внимание на два обстоятельства.

Во-первых, роль «мозгового центра» стороны обвинения играла член «Комитета по спасению молодежи от тоталитарных сект», которую участники процесса называли «бабушка Рябинкина». Эта женщина была недовольна своей дочерью, Свидетельницей Иеговы, и вела против нее и всех Свидетелей Иеговы самую настоящую войну.

В ходе судебных заседаний «бабушке Рябинкиной» выделили три широких подоконника в зале судебных заседаний, на которых она разместила целый архив публикаций Свидетелей Иеговы и других материалов. Когда прокурору нужно было зачитать какую-то цитату, обличающую Свидетелей Иеговы, «бабушка Рябинкина» извлекала подходящую бумажку из своих анналов, быстро подбежала к прокурору и вручала ему подходящий листочек. Без этой женщины сторона обвинения чувствовала себя совершенно беспомощной. Как-то раз «бабушка Рябинкина» отлучилась, чтобы вымыть руки, и прокурору пришлось ждать ее возвращения, так как он не мог найти нужных доводов и ответить адвокатам.

В последующие годы «Комитет по спасению молодежи от тоталитарных сект» и другие аналогичные общественные организации утратили реальное влияние и прекратили существование. Антикультизм стал «делом государственной важности», им занялись не общественники, а профессионалы.

Во-вторых, судьи еще руководствовались принципом, согласно которому «правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон»⁷. В частности при назначении судом экспертов для проведения комплексной экспертизы в области религиоведения, литературоведения, лингвистики, психологии и этнографии в состав экспертной группы был включен и религиовед, который действительно изучал Свидетелей Иеговы и сформулировал особое мнение, высказавшись против запрета и ликвидации их московской общины.

Впоследствии «равноправие сторон» судебного процесса становилось все более декларативным и эфемерным, а приоритет обвинения – неотъемлемой составной частью укоренившейся судебной практики.

Ликвидация московской общины Свидетелей Иеговы получила поддержку и одобрение руководителей «традиционных» религий (православных, мусульман, иудеев). Против высказались только представители правозащитного сообщества. Общественное мнение было равнодушно к этому событию, значительная часть граждан сочувствовала «борьбе против сект».

Второй этап усиления влияния антикультизма (2005–2008) характеризуется консолидацией сил антикультистов, возрастания их роли при принятии решений органами государственной власти, а также подготовкой законодательной базы для подавления религиозных меньшинств.

Наибольшее значение имела доработка Федерального закона №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. В первоначальной редакции этого закона экстремистской деятельностью (экстремизмом) считалось «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию» (ст. 1). Такая формулировка не давала никаких оснований обвинить в экстремизме ни Свидетелей Иеговы, ни другие религиозные меньшинства, не практиковавшие насилия и к насилию не призывавшие.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, ст. 12, ч. 1. В судебном заседании по уголовным делам равенство прав стороны обвинения и защиты предусмотрено ст. 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В 2007 г. был принят Федеральный закон⁸, который, в частности, внес изменение в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Слова «связанной с насилием или призывами к насилию» из текста закона удалили, а экстремистской деятельностью (экстремизмом) признавалось «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни».

Это и другие аналогичные изменения законодательства создали предпосылки для последующего обвинения законопослушных верующих, включая пацифистов, в экстремизме.

Третий этап усиления влияния антикультизма (2009–2016) характеризуется значительным увеличением поддержки, которую антикультисты получили от государственных и конфессиональных структур.

Это возрастание поддержки антикультизма со стороны государства и наиболее крупной конфессии стало особенно заметным в 2009 г. и в последующий период. В 2009 г. в жизни РПЦ произошло важное событие – 1 февраля пост Патриарха Московского и всея Руси занял Кирилл (в миру Владимир Михайлович Гундяев, род. 1946). Обладая сильной волей к власти, красноречием и являясь убежденным противником «сект», Патриарх Кирилл значительно укрепил сотрудничество РПЦ и государственной власти, используя новые возможности, в том числе и для усиления позиций антикультистов. Из органов государственной власти стали решительно изгонять руководителей и сотрудников, с уважением относящихся к принципам свободы совести, заменяя их проводниками идей антикультизма.

Так, например, из состава Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации были удалены квалифицированные специалисты и ученые, а вместо них совет был пополнен рядом антикультистов. 3 апреля 2009 г. председателем Экспертного совета стал Александр Дворкин, известный своими радикальными антикультистскими взглядами.

И несмотря на то что в марте 2015 г. А. Дворкин стал уже не председателем, а заместителем председателя Экспертного совета, антикультисты сохранили контроль над этой структурой. По сути дела, антикультисты и их концепции стали доминировать в госу-

⁸ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25987> (дата обращения 5.05.2022).

дарственных структурах, занимающихся разработкой и осуществлением конфессиональной политики. Можно констатировать, что с 2009 г. антикультулисты выступают неформальными авторами (или соавторами) концептуальных подходов к решению проблем взаимоотношений государства и религиозных объединений.

Основными «инструментами» реализации целей, которые преследовали антикультулисты, в этот период были «криминализация» религиозной литературы и общин ряда религиозных меньшинств. Так, например, в 2009–2016 гг. рядом судов были признаны экстремистскими 95 различных публикаций Свидетелей Иеговы, а также 8 их местных религиозных организаций.

Единственный «аргумент», который использовали суды для признания экстремистскими публикаций Свидетелей Иеговы, заключался в том, что Свидетели Иеговы считают только свою религию истинной, а все остальные – ложными. Из этого делался произвольный и ошибочный вывод, будто бы публикации Свидетелей Иеговы, в которых утверждается, что религия Свидетелей Иеговы является единственно истинной, возбуждают тем самым религиозную рознь и пропагандируют исключительность, превосходство либо неполноценность человека по признаку его отношения к религии.

Восемь местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы были объявлены экстремистскими на том основании, что сотрудники правоохранительных органов сначала подбрасывали в эти общины публикации, признанные экстремистскими материалами, а затем «обнаруживали» их во время обысков. Затем составлялись протоколы и возбуждались дела против местных общин Свидетелей Иеговы «в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности».

Как правило, Залы Царства (богослужебные помещения) Свидетелей Иеговы были оборудованы камерами видеонаблюдения, у большинства верующих были телефоны, смартфоны или айфоны с видеокameraми. В результате у Свидетелей Иеговы скопилась обширная видеотека с записями подбросов экстремистской литературы в их Залы Царства.

Суды, которые рассматривали иски о признании местных организаций Свидетелей Иеговы экстремистскими, вели себя по-разному. В большинстве случаев судьи отказывались приобщать к делу видеозаписи с фиксацией фактов подбросов сотрудниками правоохранительных органов экстремистской литературы в Залы Царства. Они говорили: нет оснований не доверять работникам правоохранительных органов. И выносили решения о запрете местных общин Свидетелей Иеговы. Именно так (еще до решения Верховного Суда Российской Федерации 20 апреля 2017 г.) были

объявлены экстремистскими и ликвидированы 8 местных организаций Свидетелей Иеговы.

В ряде регионов прошли судебные процессы против Свидетелей Иеговы, обвиненных в «продолжении деятельности экстремистской организации». Наиболее крупное судебное дело прошло в Таганроге, где в 2009 г. местная религиозная организация Свидетелей Иеговы была признана экстремистской и ликвидирована. Однако после этих событий численность местной общины возросла и составила около двухсот человек. В 2011 г. против 16-ти Свидетелей Иеговы было заведено уголовное дело об организации деятельности экстремистской организации, так как, по версии следствия, обвиняемые продолжали деятельность организации, несмотря на ее запрет и ликвидацию. 30 ноября 2015 г. все 16 подсудимых были признаны виновными⁹.

К сожалению, «дело шестнадцати» и другие аналогичные сфабрикованные против верующих дела не привлекли должного общественного внимания. Средства массовой информации и «традиционные» религиозные организации не спешили выразить поддержку гонимым. В поддержку Свидетелей Иеговы высказались в основном правозащитники¹⁰.

Криминализация религиозной литературы и местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы, судебные процессы по обвинению верующих в продолжении деятельности экстремистских организаций были этапами подготовки масштабных преследований Свидетелей Иеговы и других религиозных меньшинств, которые расширились на следующем этапе усиления влияния антикультизма.

⁹ Из них трое были приговорены к условным срокам 5 лет и 6 месяцев, а четвертый – 5 лет и 3 месяца условно. Все осужденные были приговорены к штрафам в размере от 20 тыс. до 100 тыс. рублей, от которых были освобождены за истечением срока давности. 17 марта 2016 г. Ростовский областной суд оставил обвинительный приговор Таганрогского городского суда в силе.

¹⁰ Так, 22 июня 2010 г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукин направил ходатайство в Президиум Верховного суда Российской Федерации о пересмотре решения Ростовского областного суда от 11 сентября 2009 г. по делу о признании ряда религиозных публикаций Свидетелей Иеговы экстремистскими. В своем годичном докладе за 2012 г. он заявил о наличии в этом вопросе правового конфликта, поскольку подобные дела рассматриваются судами в процедуре особого производства, по представлению органов прокуратуры и в отсутствие второй процессуальной стороны. По мнению В.П. Лукина, подобные судебные дела должны рассматриваться при соблюдении основных принципов судопроизводства: состязательности и равенства сторон.

Четвертый, современный этап усиления влияния антикультулизма (2017 – настоящее время) характеризуется масштабными репрессиями против религиозных меньшинств, которые иницируют и оправдывают антикультулисты.

Наиболее драматическая ситуация сложилась вокруг последователей «Исламской партии освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), признанной Верховным Судом Российской Федерации в 2003 г. террористической организацией.

«Демонизация» партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» объясняется сочетанием двух факторов. Это одно из проявлений исламофобии, которое сочетается с неприятием этой исламской партии как сравнительно нового явления (она была основана в 1953 г.).

По данным правозащитного центра «Мемориал» на 23 декабря 2021 г. в России в связи с причастностью к «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» преследуется как минимум 332 человека (в том числе 89 жителей Крыма и Севастополя, принадлежащих к крымско-татарской общине). 218 из них осуждены: 75 человек получили сроки от 10 до 15 лет, 88 – сроки от 15 лет и более. Над 29 фигурантами в настоящее время идет суд. Как минимум 57 человек находится под следствием; как минимум 27 человек – в розыске. О статусе еще одного фигуранта сведений нет¹¹.

Между тем ряд правозащитных организаций и исламоведов убедительно доказывают, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» не является террористической, ее последователи неправомерно осуждены в качестве террористов, так как эта партия не прибегает к террору и никогда не организовывала террористических актов ни в Российской Федерации, ни в других странах.

Необходимо пересмотреть признание «Исламской партии освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») террористической организацией, а также освободить ее последователей, осужденных в качестве террористов, из мест лишения свободы.

Требуется решения вопрос о возвращении в правовое поле российских Свидетелей Иеговы. Верховный суд Российской Федерации 20 апреля 2017 г. ликвидировал централизованную религиозную организацию «Управленческий центр Свидетелей Иеговы

¹¹ Кроме того, 45 человек уже освободились по отбытии назначенного срока лишения свободы, одного человека освободили от отбытия наказания по состоянию здоровья, один человек был оправдан судом, а с одного человека обвинения были сняты (подробнее см.: Список преследуемых в связи с причастностью к «Хизб ут-Тахрир» // Мемориал. URL: <https://memohrc.org/ru/specials/spisok-presleduemyh-v-svyazi-s-prichastnostyu-k-hizb-ut-tahrir-obnovlyaetsya>) (дата обращения 14.04.2022).

в России» и 395 зарегистрированных религиозных местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы в качестве экстремистских организаций. При этом решение Верховного Суда не содержало запрета религии Свидетелей Иеговы, а также религиозных групп, не имевших юридического лица, которых насчитывалось около 2,5 тысяч. Религиозные группы Свидетелей Иеговы продолжили свою деятельность, удовлетворяя религиозные потребности верующих.

К сожалению, правоохранительные органы исходят из того понимания решения Верховного суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г., согласно которому Свидетели Иеговы не имеют права на совместное исповедание своей религии, гарантированное 28-й статьей Конституции РФ, и, совместно участвуя в религиозных собраниях, проводимых религиозными группами, тем самым продолжают деятельность запрещенных в 2017 г. религиозных организаций. В результате с апреля 2017 г. более 170 тысяч Свидетелей Иеговы – законопослушных граждан Российской Федерации, оказались под угрозой уголовного преследования за свои религиозные убеждения, многие из них стали обвиняемыми в экстремистской деятельности и уже были осуждены.

Так, по данным на 28 апреля 2022 г., у Свидетелей Иеговы проведено 1750 обысков, против 620 человек были возбуждены уголовные дела по статье 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. 201 человек осужден: 61 человек приговорен к реальным срокам в колонии (максимальный приговор для мужчины – 7,5 лет, для женщины – 6 лет заключения); 108 верующих получили условный срок; 25 – приговорены к штрафам; 7 человек – оправданы.

Любопытная деталь: А.Л. Дворкин активно выступал против того, чтобы Свидетелей Иеговы приговаривали к реальным срокам заключения, чтобы не превращать их в мучеников за веру. По его мнению, оптимальными являются наказания в виде штрафов, поскольку они подрывают финансовую базу организации Свидетелей Иеговы.

Вероятно, подобный «гуманизм» потребовался А.Л. Дворкину, который занимал пост вице-президента ФЕКРИС¹² с 2009 по 24 сентября 2021 г. из-за того, что ФЕКРИС рисковала своей

¹² ФЕКРИС (Европейская федерация центров по исследованию и обмену информацией о сектантстве) была создана в 1994 г. и является основной международной антикультуговой организацией. Она основана и зарегистрирована в соответствии с французским законодательством, финансируется правительством Франции. В составе ФЕКРИС насчитываются организации из более чем 30 стран, в том числе из России, 5 из которых не являются европейскими.

репутацией «правозащитной организации» из-за жестоких репрессий против Свидетелей Иеговы в России, инициированных ее вице-президентом. Во всяком случае, после того, как в ФЕКРИС произошла ротация руководства¹³, А. Дворкин перестал «заступаться» за Свидетелей Иеговы.

Учитывая стойкость Свидетелей Иеговы перед лицом преследований, а также их позицию строгого исполнения законов, которые не противоречат библейским принципам, целесообразно признать право Свидетелей Иеговы удовлетворять свои религиозные потребности в рамках религиозных групп, не имеющих юридической регистрации, а в перспективе – предоставить Свидетелям Иеговы возможность регистрации религиозных общин в Российской Федерации и зарегистрировать религиозную организацию Свидетелей Иеговы в России в качестве централизованной религиозной организации.

Новым инструментом репрессивной политики в отношении религиозных меньшинств стало объявление ряда международных и иностранных религиозных организаций «нежелательными»¹⁴. Так, 23 августа 2021 г. нежелательными организациями были признаны четыре латвийские и украинские организации Христиан Веры Евангельской (пятидесятников) «Новое поколение». Это уже привело к репрессиям в отношении пасторов российских

¹³ 24 сентября 2021 г члены ФЕКРИС провели генеральную ассамблею, на которой состоялись перевыборы руководства, срок полномочий которого подошел к концу. Президент ФЕКРИС г-жа Даниэль Мюллер-Тюлли завершила второй срок своего служения, а вице-президент А.Л. Дворкин – четвертый. Новым президентом ФЕКРИС был избран бельгийский сенатор Андре Фредерик, а вице-президентом – хорватка Бранка Дюмич.

¹⁴ Статус нежелательных организаций юридически существует в российском законодательстве с 2015 г. Статус нежелательной устанавливается для организаций решением Генеральной Прокуратуры РФ по согласованию с МИД РФ. Нежелательная организация («организация, деятельность которой признана нежелательной») – иностранная или международная неправительственная организация, деятельность которой может представлять угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, согласно статье 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2012 г. Таким организациям запрещено вести деятельность на территории РФ, за нарушение этого запрета предусмотрены административные и уголовные меры наказания.

пятидесятнических церквей с аналогичным названием «Новое поколение», не имеющим отношения к объявленным нежелательными иностранным организациям. Так, в городе Раменское (Московская область) 2 декабря 2021 г. полиция и сотрудники ОМОН, вооруженные автоматами, ворвались на конференцию, в которой участвовали до 200 пасторов, заставили их лечь на пол, некоторых избили. Позднее задержанных освободили, не найдя ничего криминального¹⁵.

24 сентября 2021 г. нежелательными признали две саентологические американские организации («Всемирный Институт саентологических предприятий» и «Библиотеку Л. Рона Хаббарда»). Это решение существенно затруднит благотворительную, издательскую, да и в целом религиозную деятельность российских саентологов.

Следует предвидеть, что этот инструмент репрессивной политики может получить более широкое распространение и затронуть значительное число религиозных организаций.

Еще одной религиозной организацией, которая подверглась необоснованным, по мнению правозащитников и ряда религиоведов, уголовным преследованиям, является Церковь Последнего Завета. Необходимо привлечь внимание гражданского общества к нарушениям законных прав последователей этого религиозного меньшинства и добиваться освобождения из-под стражи руководителей Церкви Последнего Завета: Виссариона (Сергея Торопа), Вадима Редькина и Владимира Ведерникова.

В настоящее время антикультисты требуют усиления преследований против протестантов, в особенности – пятидесятников¹⁶. Помимо этого, одной из традиционных мишеней являются православные верующие, которые не подчиняются Московскому Патриархату или недостаточно послушны руководству РПЦ.

¹⁵ В Раменском ОМОН ворвался на конференцию протестантских церквей и задержал до 200 участников // Новая газета. 2021. 3 декабря. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/03/v-ramenskom-omon-vorvalsia-na-konferentsiiu-protestantskikh-tserkvei-i-zaderzhal-do-200-uchastnikov-news> (дата обращения 14.04.2022).

¹⁶ «Нас загнали в настоящее гетто», – так калужский пастор Альберт Раткин оценил положение протестантов в современной России в начале 2022 г. URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2022/01/12/nas-zagnali-v-nastoyashee-getto-kaluzhskij-pastor-albert-ratkin-o-polozhenii-protestantov-v-sovremennoj-rossii-i-uchastii-svyashennikov-v-obshestvennoj-zhizni> (дата обращения 14.04.2022).

*Что можно сделать, чтобы российское общество
и государство приобрели иммунитет
к антикультулизму*

1. С точки зрения воздействия на государственно-конфессиональные отношения, антикультулизм и здоровый прагматизм можно считать антиподами. Антикультулизм привносит в государственную политику в отношении религиозных меньшинств изрядную дозу ксенофобии, раскалывает общество по конфессиональному признаку, «выдавливая» последователей так называемых «сект» в разряд граждан второго сорта. Для многоконфессиональной страны, такой, как Россия, антикультулизм в качестве идеологической основы для принятия управленческих решений в области государственно-церковных отношений – путь к постоянным провалам и конфликтам, усилению репрессий против религиозных меньшинств.

2. Здоровый прагматизм применительно к государственной вероисповедной политике заключается совершенно в другом. Он опирается на достижения современной науки (религиоведения, социологии, этнографии, конфликтологии и других дисциплин) и нацелен на укрепление общества, его консолидацию. Поэтому одна из задач современного религиоведения – изучение антикультулизма и его аргументированная критика.

Литература

- Гордус 2008 – Гордус М.М. Антикультуловое движение: исторический обзор // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 11–15.
- Иваненко 1995 – Иваненко С.И. Заметки религиоведа: Введение к книге Конрада Лева «О “ведьмах” и охотниках за ведьмами». М.: Гуманитарий, 1995. С. 20–24.
- Иваненко 1998 – Иваненко С.И. Кришнаиты в России: правда и вымысел. М.: Философская книга, 1998. 294 с.
- Иваненко 2017 – Иваненко С.И. Обыкновенный антикультулизм. СПб.: Древо жизни. 2017. 104 с.
- Крест и молот 1998 – Крест и молот: Сборник / Сост. «Общественный комитет защиты свободы совести». М.: Благовестник. 1998. 76 с.

References

- Gordus, M.M. (2008), “Anti-cult movement. Historical review”, *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, no. 2, pp. 11–15.

Ivanenko, S.I. (1995), *Zametki religioveda. Vvedeniye k knige Konrada Lova «O "ved'makh" i okhotnikakh za ved'mami»* [Notes of a Religious Scholar: Introduction to Konrad Loew's book "On 'Witches' and Witch Hunters"], Gumanitarii, Moscow, Russia.

Ivanenko, S.I. (1998), *Krishnaity v Rossii: pravda i vumysel* [перевод], Filosofskaya kniga, Moscow, Russia.

Ivanenko, S.I. (2017), *Obyknovennyy antikul'tizm* [Krishnaites in Russia. Truth and fantasy], Drevo zhizni, Saint Petersburg, Russia.

Krest i molot: Sbornik [Cross and hammer] (1998), Blagovestnik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей И. Иваненко, доктор философских наук, Москва, Россия; ivasin53@mail.ru

Information about the author

Sergei I. Ivanenko, Dr. of Sci. (Philosophy), Moscow, Russia; ivasin53@mail.ru

УДК 2-76

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-86-100

Парадоксы миссии и миссионерства

Михаил Н. Ситников

*Религиоведческий интернет-ресурс «Religiopolis»,
Москва, Россия, editor_RP@mail.ru*

Аннотация. На основе общедоступной информации об истории религии в статье рассматривается миссия религии, обнаруживающая в исторической ретроспективе заметную неоднозначность и ее соотношение с миссионерской практикой в условиях современности. Также на примере показательной судебной ситуации анализируются парадоксальные противоречия между миссионерской практикой в условиях декларации религиозной свободы и практикой регулирования религиозного миссионерства в современной России.

Ключевые слова: миссия религии, религиозное миссионерство, религиозная свобода, парадоксы правовой практики, современная Россия

Для цитирования: Ситников М.Н. Парадоксы миссии и миссионерства // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 86–100. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-86-100

Paradoxes of mission and missionary work

Mikhail N. Sitnikov

*Religious studies online resource “Religiopolis”,
Moscow, Russia, editor_RP@mail.ru*

Abstract. Based on publicly available information about the history of religion, the article considers the mission of religion, which reveals a noticeable ambiguity in historical retrospect and its relationship with missionary practice at the present. Also, on the example of a demonstrative judicial situation, paradoxical contradictions between missionary practice under the declaration of religious freedom and the practice of regulating religious missionary work in modern Russia are analyzed.

Keywords: mission of religion, religious missionary work, religious freedom, paradoxes of legal practice, modern Russia

© Ситников М.Н., 2022

For citation: Sitnikov, M.N. (2022), "Paradoxes of mission and missionary work", *Studia Religiosa Rossica: a scientific journal about religion*, no. 3, pp. 86–100, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-86-100

Понятия миссии религии и религиозного миссионерства давно изучены и сформулированы специалистами как научной, так и в широком смысле общей сферы представлений о религии. Присутствуя в специальных светских справочно-энциклопедических изданиях и религиозной литературе, они предоставляют широкому кругу читателей вполне конкретные и достоверные представления об этих сугубо религиозных явлениях, присущих большинству религий мира.

Понимание миссии религии в обществе гораздо более широкое, чем понятие миссионерства. Так, например, согласно Большому юридическому словарю религиозная миссия – «это религиозное объединение граждан, созданное, чтобы распространять вероучение и привлекать граждан к религиозной практике»¹. При этом для использования достаточно корректного понимания миссии религии, в данном случае совмещенной с религиозным миссионерством, в правовой практике не требуется рассмотрения этого понятия с позиции научного религиоведения или какой-либо из теологий.

С точки зрения научного специалиста-религиоведа, анализирующего более широкое понимание миссии религии, «религиозные организации и их представители – люди с доминирующим религиозным мировосприятием – имеют несколько иное понимание миссии: с одной стороны, более узкое, ибо имеется в виду исключительно религиозная миссия, а с другой стороны – наполненное неким духовно-конкретным смыслом» [Элбакян 2016, с. 77].

Согласно же, например, религиозной (православной) трактовке «миссионерство (миссия) – проповедь православного вероучения среди неверующих. Можно сказать, что миссионер подводит человека к дверям храма (где его встречает катехизатор)»², где два понятия по существу смешиваются, что можно объяснить сравнительно узкой аудиторией читателей одной конфессии. Кроме того, близость данной трактовки к юридическому пониманию миссии, локализованной в пределах конкретного религиозного объединения, позволяет отметить здесь и признаки своего рода конфессио-

¹ Религиозная миссия // Большой юридический словарь. URL: <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/9641-религиозная%20миссия> (дата обращения 15.05.2022).

² Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/missionerstvo-missiya> (дата обращения 15.05.2022).

нального прагматизма. Аналогичный подход к пониманию миссии присущ и другим конфессиям.

Тем не менее, размышляя о понятии миссии религии в обществах разных стран, нельзя не отметить ее исторических особенностей, которые напрямую связаны с консолидирующей и разъединяющей функцией религии.

Кроме известного в большей степени по разным религиозным идеологиям принципа религиозной исключительности (где каждая религия, а иногда и отдельная религиозная конфессия одной религии, провозглашает истинной лишь собственное учение, а прочие ошибочными), такого обстоятельства, как веками тлеющая скрытая неприязнь к иноверцам, существует и иное. Это, например, религиозно мотивированная консолидация отдельных крупных этносов, потенции которой можно было бы счесть обоюдоострыми.

Здесь может быть уместно вспомнить один из выводов Сергея Аверинцева, известного сочетанием высокого уровня знаний и глубокой религиозности: «Как все ценное, например, любовь, культура, творчество, – вера опасна; поскольку она ценнее всего остального, она опаснее всего остального. С высоты опаснее падать, чем выше, тем опаснее. <...> Не надо думать, будто господа атеисты первыми открыли, что религиозная жизнь, практикуемая не по разуму, может вызвать страшное помрачение рассудка и нравственного сознания. Не вольнодумцы додумались до мысли, что утративший духовные ориентиры верующий может быть куда опаснее любого неверующего. Никто не знал этого лучше и не описал точнее, чем классики православной аскетической традиции. То, что называется смирением, – единственное средство избежать сумасшествия. Но это именно средство для совсем иной цели»³.

Опасения столь своеобразных рисков религиозности высказывались Аверинцевым не в социальном, а в чисто философском контексте, но это никак не умаляет актуальности таких опасений, многожды подтвержденных реальными историческими трагедиями. Если рассматривать религии с социально-исторической точки зрения, то факты религиозно мотивированных войн и организации геноцида не станут какой-то новостью.

Подогреваемые политическими интересами властей и сплоченные вполне искренней, но слепой верой, безумствующие массы устремлялись на земли христиан-иноверцев, где истребляли население во имя «святой идеи». Осваивая колониальные страны, христиан-

³ *Аверинцев С.С.* Интервью журналисту Илье Медовому // Международный литературный клуб «Омилия, 2001. URL: <https://omiliya.org/article/sergei-averintsev-kak-vse-tsennoe-vera-opasna.html> (дата обращения 15.05.2022).

ские эмиссары усердно обращали в истинную религию заморских аборигенов, нещадно истребляя уникальные памятники культуры как «бесовщину». Похожая тенденция, увы, дожила и до современности, правда, уже в более мягких формах отдельных «фетв» или «благословений воинства».

Однако понятие миссии религии вовсе не ограничивается лишь упомянутыми трагичными признаками. Достаточно вспомнить сложные времена, наступившие для России и ряда республик, оказавшихся в социалистическом мире в начале минувшего века. Разруха и нищета, кампании по раскулачиванию и коллективизации, голодные годы, репрессии в отношении любых инакомыслящих, жесткое внедрение государственного атеизма с гонениями за веру – казалось бы, власти, сосредоточенные на идее «догнать и перегнать» всех и вся техническими достижениями за счет зарубежной помощи, запамятовали о живом человеке. При этом легализующая все это системная пропаганда – в том числе антирелигиозная, извещала о громадных успехах, обещая едва ли не через пару десятилетий «рай на земле» как альтернативу «глупым сказкам про боженьку».

Как выживали в этих условиях громадные массы людей – в том числе раскулаченных переселенцев, репрессированных по признакам происхождения, излишней учености или верности своим религиозным убеждениям?

Здесь религии – в первую очередь полуподпольное русское православие, и, конечно же, другие вероисповедания в отдельных регионах стали источником деятельной миссии, хотя правовые условия для любых верующих были тяжелыми. Именно религиозная вера стала той самой незримой опорой, которая парадоксальным образом и укрепляла людей, и крепла сама. Позже, в 1943 г., на фоне фашистского нашествия в результате осознания властями консолидирующей роли религии для немалой части населения, руководство государства решилось на официальное «воссоздание» былой Православной российской церкви под новым наименованием Русской православной церкви (РПЦ). Вопросы внутрицерковных позиций в этих условиях здесь можно опустить – главное, что массы верующих обрели, наконец, материальные возможности для реализации своих убеждений. То есть начали открываться отдельные храмы и монастыри, из лагерей стали возвращаться священнослужители, в отдельных мусульманских регионах открылись мечети, ослабло давление на буддистов.

Известно и о такой – позитивной уже «в политическом плане» – миссии новообразованной РПЦ, как ее религиозно мотивированные дипломатические усилия в борьбе за мир и безопасность во всем мире, пусть и при одновременной поддержке государственной

политики атеистической страны. Иногда в этом видят своего рода двойственность. Но то обстоятельство, что в условиях такой двойственности массе верующих предоставлялась давно утраченная для них возможность открыто участвовать в важных для них культовых мероприятиях, в заметной степени снимает многие вопросы.

Закономерным при этом был и отчетливый всплеск интереса к религии ранее нерелигиозных граждан, в особенности участников войны, в послевоенные годы. Поколения же 1950–1960-х гг. рождения отличались едва ли не массовым приходом в храмы, мечети или дацаны молодых людей, зачастую впоследствии получивших высшее и религиозное образование. При этом духовный поиск поколений в результате осознания ими благой миссии и ценностей религии совпадал с миссионерской ролью религиозных организаций и искренне верующих людей.

Различие понятий миссии религии и религиозного миссионерства воспринимается достаточно очевидным, несмотря на их несомненную близость. Тем не менее миссионерство как один из неотъемлемых признаков большинства религий, благодаря чему они не только существуют, но и эволюционируют, нуждается в отдельном внимании.

При реальных гарантиях религиозной свободы в ряде развитых стран религиозное миссионерство как один из важных признаков религиозной деятельности вполне органично вписывается в жизнь социума, не вызывая проблем для верующих и неверующих. Но в случаях либо гарантий такой свободы со стороны властей лишь для отдельных вероисповеданий, либо неприятия религии как таковой, миссионерство оказывается или в сложном положении, или обретает с точки зрения закона антиобщественный статус.

Согласно «Словарю иностранных слов», «миссионер (фр. *missionnaire*, лат. *missio* – посылка, поручение) – лицо, занимающееся распространением религии среди населения с иным вероисповеданием»⁴.

Таким образом, в изначальном понимании миссионер – это верующий человек, проповедник своих религиозных убеждений среди иноверцев, к числу которых можно отнести и неверующих. В связи с бесспорной здравостью гарантии Основного закона, соответствующей контексту, процитируем ст. 28 Конституции РФ:

«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно

⁴ *Комлев Н.Г.* Миссионер // Словарь иностранных слов. М., 2000. С. 612. URL: <https://ru.1lib.net/book/18693304/2d9ce2> (дата обращения 15.05.2022).

выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»⁵.

Добавим сюда содержание ст. 18: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием», нетрудно убедиться в совпадении конституционных норм классическому определению понятия верующего миссионера, занимающегося «распространением религии среди населения с иным вероисповеданием»⁶.

Казалось бы, в нашем случае декларированная религиозная свобода с уважением к человеческому достоинству и праву личности иметь и не скрывать от окружения своих убеждений не должна вызывать никаких вопросов.

Однако 24 июня 2016 Государственной Думой РФ во втором и третьем чтениях были приняты изменения в законодательные акты⁷ Российской Федерации, касающиеся жизни верующих и деятельности религиозных организаций в сфере миссионерства. Целью введения поправок, как нетрудно заметить по содержанию новой редакции «Закона о свободе совести и о религиозных объединениях», был запрет на миссионерскую деятельность, направленную против общественной безопасности, общественного порядка, прав и свобод личности и ряда иных целей⁸.

⁵ Ст. 28 Конституции Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=9&rangeSize=1> (дата обращения 15.05.2022).

⁶ Конституция Российской Федерации. Ст. 18. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=6&rangeSize=1> (дата обращения 15.05.2022).

⁷ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607070016> (дата обращения 15.05.2022); Федеральный закон Российской Федерации от 6 июля 2016 г. № 375 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607070042> (дата обращения 15.05.2022).

⁸ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ.

Что же принесла обществу инициатива пары законодателей из Госдумы РФ? Чтобы получить представление об этом, приведем лишь некоторые сведения об обстоятельствах предпринятого «регулирования» Закона.

В результате принятых депутатами и утвержденных главой государства изменений, предложенные «антитеррористические» поправки Яровой–Озерова предполагают для религиозных людей возникновение в том числе и таких проблем, как:

- если ваш друг или родственник, живущий за границей, приедет к вам в гости и позволит себе поделиться своими религиозными убеждениями, то ему грозит штраф и административное выдворение за пределы России;
- введение понятия миссионерской деятельности с определением ее как деятельности религиозного объединения, направленной на распространение информации о своем вероучении среди участников данного объединения в целях их вовлечения в другое религиозное объединение самим религиозным объединением, либо уполномоченными им гражданами и (или) юрлицами публично, с помощью СМИ или Интернета, повлекут те же последствия, что вышеупомянутая беседа с гостем;
- самой миссионерской деятельностью теперь при желании можно считать любой разговор на религиозную тему с неверующим человеком, если вы заранее не получили специального разрешительного документа от религиозной организации;
- введен запрет на миссионерскую деятельность в жилых помещениях, каковой можно считать то, что вы прочтете молитву в присутствии вашего неверующего приятеля или инверца;

Возникает вопрос: можно ли считать инициативу пары законодателей из Госдумы антиконституционной – т. е. противоречащей нормам Основного закона РФ?

Оставим этот вопрос без ответа.

Тем не менее больше света на эту загадку могут пролить мнения эксперта-религиоведа и адвоката – непосредственных участников одного из недавних судебных процессов, возникновение и ход которого видится типичным.

Фабула дела, возбужденного прокуратурой Московского района г. Рязани по ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ (осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях) в отношении пастора «Местной религиозной органи-

в силу с 03.10.2021). Ст. 24.2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/8c786bbd612ebce7f0579b6034d926be67b91c60/ (дата обращения 15.05.2022).

зации «Церковь Господа Иисуса Христа» г. Рязани Российской Церкви Христиан Веры Евангельской» проста:

Пастор недавно ликвидированной местной религиозной организации продолжал молитвенные встречи с верующими как группой традиционных последователей своей веры (в рамках религиозной группы). Будучи частным делом граждан и совершенно законными, такие встречи не привлекали внимания до тех пор, пока в период пандемии кто-то из прихожан не выложил в соцсети «Вконтакте» видеозапись протестантского богослужения в открытом доступе, что аналогично присутствующим для всеобщего обозрения богослужениям прочих конфессий. Однако бдительные стражи порядка усмотрели в этом «незаконное миссионерство», и дело было передано в суд, последнее заседание которого состоялось в феврале 2022 г. в одном из судебных участков мирового суда Московского района г. Рязани.

Далее предоставим слово специалистам.

Доктор философских наук, религиовед Екатерина Элбакян участвовала в данном судебном процессе в качестве эксперта. Обратимся к ее консультации в связи с тем, что основным вопросом, который требовалось выяснить суду, было соотношение между такими явлениями, как «богослужение» и «незаконная миссионерская деятельность»:

«Екатерина Сергеевна, как эксперт, участвовавший в данном судебном процессе, поясните, пожалуйста: существует ли разница между миссионерской деятельностью и богослужением?»

- Безусловно, различия есть. Для того и другого существуют специфические признаки, по которым можно судить о том, с чем мы имеем дело и что важно учитывать.

Если мы говорим о богослужении, то оно, как правило, сопровождается так называемой назидательной или, если хотите, морализаторской, нравоучительной проповедью, посвященной какому-то конкретному аспекту жизни верующих – например, взаимоотношению родителей и детей, отношению к деньгам, к вредным привычкам и т. д.

Если речь идет о евангелизационном собрании у пятидесятников или собрании благовестия у баптистов, т. е. о миссионерском мероприятии, то на таких – в данном случае христиан веры евангельской – произносится так называемая призывная проповедь, которая, исходя из христианского отношения к неверующим как к «духовно мертвым», нацелена на изложение базовых вероучительных принципов: веры в Иисуса Христа, воскресения, вечной жизни и т. д. В такого рода проповеди никогда не рассматриваются конкретные жизненные вопросы. Условно говоря, если богослужebная

проповедь, т. е. проповедь для единоверцев, членов общины, обращена к ним и посвящена одному конкретному вопросу, то миссионерская проповедь, обращенная к сторонним людям, наоборот, излагает лишь общие моменты вероучения. Произносит ее всегда епископ или пастор, звучат призывные песнопения, имеющие целью убедить посторонних людей в необходимости веры в Бога и т. д.

Кроме того, на миссионерских мероприятиях христиан веры евангельской отсутствуют так называемые свидетельства (выступления рядовых верующих), как это принято при богослужениях, а также не звучит обращение “братья и сестры”, принятое только при богослужении, где присутствуют единоверцы. При миссионерских встречах не практикуется совместная молитва, которая возможна лишь с единоверцами, отсутствует диалог с “залом”, характерный для богослужений. Ну и есть не менее важные детали: например, приводимые цитаты из Библии отсылают к их источнику в полном объеме (как, например, Новый Завет, Послание апостола Павла к Тимофею, номер главы и стиха). Тогда как при богослужениях источник указывается кратко – Тимофею, номер главы и стиха, поскольку единоверцы уже подготовлены и сразу понимают, какой библейский фрагмент цитируется.

Ну и, наконец, в завершение миссионерского мероприятия не звучат приглашения на «внутренние мероприятия» общины, а за несколько месяцев до проведения евангелизационного собрания о нем публикуется информация, иногда рассылаются приглашения.

В целом, если говорить о соотношении богослужebной и миссионерской деятельности религиозных организаций, то важно отметить, что та и другая являются религиозной деятельностью и входят в структуру религиозного комплекса в качестве одного из его элементов. Но богослужение – это культовая религиозная деятельность, а миссионерство – внекультовая.

Но что же происходило в Рязани? Каким образом возник вопрос о “незаконном миссионерстве”?

– В качестве оснований для обвинения были показаны видеозаписи типичного богослужения христиан веры евангельской. Пастор произносил нравоучительную проповедь об отношении родителей к детям, вел диалог с залом, и прихожане, порой, подсказывали ему из зала номера стихов и глав из Библии. Иногда он обращался конкретно к кому-то из присутствующих, называя по имени, ко всем верующим обращался “братья и сестры”, звучали песнопения общего характера, а в конце одного из богослужений пастор приглашал членов общины на внутреннее мероприятие –

“Вечер Хвалы”. То есть ни одного из названных мною признаков миссионерского (евангелизационного) мероприятия в представленных обвинением видеозаписях не было.

Что касается того, как вообще мог возникнуть прецедент с видеозаписью в сети, то все выглядело довольно просто. В связи с пандемической ситуацией видео богослужений и фотографии с празднования верующими Праздника жатвы были вывешены кем-то из верующих в Интернете, чтобы отсутствующие по болезни или находящиеся на карантине, самоизоляции члены общины могли хотя бы виртуально поприсутствовать на этом богослужении. Далее пастор был обвинен в незаконном миссионерстве, дело передано в суд, где и судья после выяснения разницы между богослужением и миссионерством высказала сомнение в том, что богослужения на видео являются миссионерскими, поскольку в них не озвучивались основы вероучения христиан веры евангельской, не указывались название и религиозная принадлежность организации и др., т. е., как справедливо отметила судья, посмотрев данное видео, неподготовленному человеку вообще “трудно что-то понять”, тогда как если бы она увидела миссионерскую проповедь, рассчитанную на неверующих, которая всегда произносится в общедоступной форме, мнение было бы иным.

Резюмируя ответ на вопрос, скажу коротко – незаконное миссионерство здесь заведомо не при чем. Догадываюсь, что это поняли, а может быть, и понимали изначально все участники процесса...»

По мнению участника судебного процесса в Рязани – адвоката Владимира Анатольевича Озолина, «Рязань в плане реализации права на свободу совести и вероисповедания в настоящее время является одним из сложных регионов России».

Владимир Анатольевич, нетрудно отметить особое внимание, которое привлекает сегодня со стороны правоохранительных органов и суда деятельность ряда отечественных религиозных организаций. Дела зачастую оканчиваются для верующих плачевно. Но не похожи ли и в рязанском деле претензии обвинения на «высосанные из пальца»?

– Да. Текущее дело не стало исключением. Так, обычные богослужения и молитвы, запечатленные на видео и размещенные в Интернете в социальной сети «ВКонтакте», стали основанием для возбуждения районной прокуратурой города Рязани дела об административном правонарушении в отношении местного пастора по ч. 4 ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Насколько известно, в результате рассмотрения дела пастора о «незаконном миссионерстве», проблема состояла в выяснении вопроса о том, что имело место – богослужение или акт миссионерства, т. е. уточнения судом природы явлений, для чего много времени не требовалось?

– Проверка по данному факту длилась более пяти месяцев и, невзирая на позицию защиты, основанную на недоказанности вины своего подзащитного, и с учетом Определения Конституционного суда России от 13 марта 2018 г. № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и частью 4 статьи 5.26 КоАП РФ» и Определения от 15 октября 2018 г. № 2514-О по жалобе гражданина Клименко Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьями 6, 7, пунктом 1 статьи 24.1 и пунктом 1 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в которых говорится, что под миссионерской деятельностью религиозного объединения применительно к отношениям, регулируемым Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», понимается деятельность, которая:

- во-первых, осуществляется особым кругом лиц (религиозное объединение, его участники, иные граждане и юридические лица),
- во-вторых, направлена на распространение информации о своем вероучении (его религиозных постулатах) среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения;
- в-третьих, имеет целью вовлечение названных лиц в состав (участников, последователей) религиозного объединения посредством обращения к их сознанию, воле, чувствам, в том числе путем раскрытия лицом, осуществляющим миссионерскую деятельность, собственных религиозных воззрений и убеждений.

Системообразующим признаком миссионерской деятельности при этом является именно распространение гражданами, их объединениями информации о конкретном религиозном вероучении среди лиц, которые, не будучи его последователями, вовлекаются в их число, в том числе в качестве участников конкретных религиозных объединений.

Иными словами, распространение религиозным объединением, его участниками, другими лицами вовне информации о деятель-

ности данного религиозного объединения, проводимых им мероприятиях, включая богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, подпадает под определение миссионерской деятельности как таковой, только если содержит названный системообразующий признак: при его наличии установление факта осуществления религиозным объединением, его участниками, иными лицами миссионерской деятельности на законных основаниях требует, помимо решения иных вопросов, выявления всех признаков миссионерской деятельности, а его отсутствие в осуществляемой в области вероисповедных отношений деятельности свидетельствует о том, что такая деятельность не может квалифицироваться как миссионерская в смысле названного федерального закона, а потому она, даже если и совершается с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, не образует состава правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 5.26 КоАП РФ.

Также отмечено, что не может квалифицироваться как миссионерская деятельность публичное распространение указанных сведений, нацеленное на нейтральное информирование окружающих о религиозном объединении, его деятельности. Под понятие миссионерской деятельности не подпадает также размещение в информационно-телекоммуникационной сети Интернет ссылок на специализированные интернет-ресурсы религиозных объединений, поскольку такие ссылки не вводят пользователей в заблуждение относительно открываемой с их помощью информации и не препятствуют им в доступе к интересующим их материалам.

Получается, что с одной стороны, распространение информации о вероисповедании, в результате чего оно может кого-то заинтересовать и «вовлечь», – это естественное право верующих. С другой – непонятно, откуда возникают прецеденты обвинений в «незаконном миссионерстве» именно на основании реализации верующими такого права. Не выглядит ли все это достаточно противоречивым?

– Да. Но, несмотря на это, дело об административном правонарушении было все же направлено в суд.

Беспрецедентным стало и то, что рассмотрение дела по существу заняло около трех месяцев и прошло в семь судебных заседаний. К примеру, по некоторым уголовным делам, где людям грозят реальные сроки лишения свободы, суд ограничивается двумя-тремя заседаниями.

Размещение видеозаписей с проводимыми богослужениями в группе «ВКонтакте» в сети Интернет не может однозначно свидетельствовать о наличии миссионерской деятельности, что и было

подтверждено в судебных заседаниях, в том числе известным экспертом-религиоведом Е.С. Элбакян. Признаки миссионерской деятельности в действиях Д.А. Дьякова не установлены, и в материалах дела таких документов не содержится.

Однако решение мирового судьи стало неожиданным: дело прекратили в связи с малозначительностью правонарушения, т. е. фактически чаша весов правосудия осталась в нейтральном положении – ни нашим, ни вашим...»

Нельзя не отдать должное защитнику освобожденного на сей раз пастора в деликатности оценки нейтрального положения чаши весов. В судебной практике прекращение административного дела в отношении физического лица в соответствии со ст. 24.5 КоАП РФ предусмотрено в случаях: отсутствия события административного правонарушения; при отсутствии состава правонарушения из-за недостижения совершеннолетия или невменяемости нарушителя; издания акта амнистии, устранившего ответственность; истечения срока давности; смерти нарушителя – физического лица.

Однако в данном случае суд, в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ, использовал такую причину, как малозначительность правонарушения, т. е. пусть и малозначительное, но правонарушение все же имело место. Хотя в массе подобных ситуаций, в которых оказываются всего лишь не скрывающие своих религиозных убеждений люди, им даже на малозначительность рассчитывать не приходится.

Указывает на это в своем комментарии рязанского прецедента и президент Фонда поддержки христианской культуры, науки и образования епископ Константин Владимирович Бендас:

«Наблюдая за деятельностью наших правоохранителей и судов по пресечению миссионерской деятельности после принятия так называемых поправок Яровой–Озерова, я все чаще вспоминаю бессмертные строки из басни Крылова “Волк и ягненок”. Помните резюмирующий волчий ответ на разумные, логичные и даже научные доводы травоядного: “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...”».

Вот и в Рязани, как ранее в Орле, Туле, Нижнем Новгороде, Омске и еще десятках городов, разумные доводы юристов, ведущих религиоведов и самих священнослужителей никто не слушает. В деянии церкви нет ни одного из четырех обозначенных в законе “О свободе совести” признаков миссионерской деятельности. Обвинение предоставило суду в качестве улик, указывающих на совершение преступления, видеозаписи обычных воскресных богослужений евангельской общины. Но все равно

производство по делу приостановили не за отсутствием события правонарушения, а за его незначительностью, т. е. суд признал, что религиозное объединение все-таки закон нарушило, и сделал устное предупреждение пастору. А предупреждать или наказывать нужно было прокуратуру и тех должностных лиц, которые не к месту возбудились и за государственный счет издевались над церковью в восьми судебных заседаниях».

В заключение можно упомянуть, что согласно статистике, по данным судебного ведомства⁹ в минувшем 2021 г. было закончено рассмотрение 327 подобных дел. В результате наказаниям было подвержено 119 физических, 78 юридических и 4 должностных лица. В 181 случае наказанием были штрафы, взысканные в целом на сумму 2 285 000 рублей, в 20 случаях – вынесены предупреждения, в 13 случаях наказания дополнялись конфискацией и в 4 случаях – выдворением за пределы России.

PS. 1 июня 2022 г. в Московском районном суде г. Рязани завершилось рассмотрение жалобы адвоката В.А. Озолина на постановление мирового судьи судебного участка № 11 Московского судебного района г. Рязани по делу об административном правонарушении пастора Д.А. Дьякова, которым он был освобожден от административной ответственности «в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения». Адвокат, категорически не согласный с такой формулировкой, обратился в упомянутый суд с жалобой, которая была удовлетворена. Производство по делу было прекращено в связи с отсутствием в действиях пастора состава административного правонарушения.

«В моей практике это единственный случай, – сообщил адвокат Владимир Озолин, – когда не просто удалось отменить незаконное постановление, вынесенное судом первой инстанции, а удалось отменить постановление, которым, по сути, лицо, “прощенное за допущенное правонарушение” было оправдано».

Литература

Элбакян 2016 – Элбакян Е.С. От миссии – к миссионерству // Религиоведение. 2016. № 3. С. 77–90.

⁹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год: Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2022. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения 15.05.2022).

References

Elbakyan, E.S. (2016), "From mission to missionary", *Religiovedeniye*, no. 3, pp. 77–90.

Информация об авторе

Михаил Н. Ситников, Религиоведческий интернет-ресурс «Religiopolis», Москва, Россия; *editor_RP@mail.ru*

Information about the author

Mikhail N. Sitnikov, Religiopolis internet resource, Moscow, Russia; *editor_RP@mail.ru*

Решение ЕСПЧ исполнено:
дискриминирующие нормы остались
(казус отмены 15-летнего испытательного срока
для религиозных групп)

Михаил А. Жеребятьев

*Международный институт гуманитарно-политических исследований,
Москва, Россия, zher-mikhail@yandex.ru*

Аннотация. Особая актуальность темы взаимоотношений РФ с СЕ/ЕСПЧ связана с происходящим на наших глазах «разводом» России с Европой как частью «коллективного Запада», что сопровождается взаимными обвинениями и «битьем посуды». В этом контексте крайне показателен для российской правовой системы уникальный случай исправления национального законодательства под влиянием решения ЕСПЧ. Вдобавок он связан с законодательным регулированием религиозной сферы, важно также понимать, что получилось «на выходе».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, законодательство РФ о свободе совести, фактическое положение религиозных сообществ в постсоветской России

Для цитирования: Жеребятьев М.А. Решение ЕСПЧ исполнено: дискриминирующие нормы остались (казус отмены 15-летнего испытательного срока для религиозных групп) // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 101–111. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-101-111

The decision of the ECHR has been executed.
Discriminatory norms remain
(the case of the abolition
of the 15-year probationary period for religious groups)

Mikhail A. Zherebiatov

*International Institute for Humanitarian and Political Studies,
Moscow, Russia, zher-mikhail@yandex.ru*

Abstract. The special relevance of the topic of relations between the Russian Federation and the Council of Europe/ECHR is connected with the “divorce” of Russia with Europe as part of the collective West, which is happening before our eyes, which is accompanied by mutual accusations and “breaking dishes”. In this context, the unique case of correcting national legislation under the influence of the ECHR decision is extremely indicative for the Russian legal system. In addition, it is also connected with the legislative regulation of the religious sphere, it is also important to understand what happened “at the exit”.

Keywords: The European Court of Human Rights, the legislation of the Russian Federation on freedom of conscience, the actual situation of religious communities in post-Soviet Russia

For citation: Zherebiatov, M.A. (2022), “The decision of the ECHR has been executed. Discriminatory norms remain (the case of the abolition of the 15-year probationary period for religious groups), *Studia Religiosa Rossica: a scientific journal about religion*, no. 3, pp. 101–111, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-101-111

Вступление постсоветской России в Совет Европы в 1998 г. открыло для граждан Российской Федерации возможность обращаться в Европейский суд по правам человека, когда на национальном уровне оказывались исчерпанными возможности справедливого судебного рассмотрения дел как в уголовном, так и в гражданском процессах. Согласно условиям Совета Европы (СЕ), членство в этой международной организации предусматривает признание его участниками как общих правовых стандартов, так и подходов к их реализации. Выражением принципов стал документ «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод».

Соответственно, Европейский суд по правам человека занимается практической сферой – регулирует спорные вопросы, способствуя, тем самым, выравниванию национальных правовых систем государств-участников СЕ в сфере прав и свобод человека.

Особая актуальность темы взаимоотношений РФ с СЕ/ЕСПЧ связана с происходящим на наших глазах «разводе» России с Европой как частью «коллективного Запада», что сопровождается взаимными обвинениями и «битьем посуды».

В этом контексте для российской правовой системы крайне показателен уникальный случай исправления национального законодательства под влиянием решения ЕСПЧ. Вдобавок, он связан с законодательным регулированием именно религиозной сферы. Важно также понимать, что из всего этого получилось «на выходе».

* * *

Но сначала обрисуем специфику постсоветского религиозного законодательства и его эволюцию.

Среди всего правового корпуса постсоветской России, который подвергается с начала «нулевых» бесконечным изменениям, наиболее стабильным сегментом выглядит религиозное законодательство. Единственный профильный федеральный закон менялся лишь однажды, во второй половине девяностых, – еще в период, предшествующий активной корректировке законодательства, что само по себе довольно парадоксально на фоне отмеченной тенденции. Впрочем, изменение религиозного закона и последующие поправки в более поздний акт не затронули концепции регулирования отношений государства с конфессиями, выстроенной вокруг проблематики приобретения и утраты сообществами верующих прав юридического лица.

В сентябре 1997 г. первый президент России Борис Ельцин подписал новую, «компромиссную» редакцию закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Документ, вышедший из недр президентской администрации, довольно быстро успокоил страсти в обеих палатах Федерального Собрания, руководстве политических партий и крупнейшей деноминации – Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ). Кроме того, новый вариант закона подвел итог, как минимум, четырехлетнему политико-идеологическому противостоянию первого постсоветского десятилетия. Именно в этот период параллельно закладывались основы гибридной государственно-церковной парадигмы постсоветского режима, в полной мере проявившиеся в начале XXI столетия.

Его предыдущая версия – закон РСФСР 1990 г. «О свободе вероисповеданий», – упразднившая Совет по делам религий и исполнившая чаяния духовной корпорации по части ее экономической независимости от государства через наделение церков-

ных структур статусом юридического лица¹, очень даже устраивал РПЦ. Но при этом противостояние определялось не столько реальной религиозной политикой демократической власти в духе *laissez-faire*, сколько самой возможностью существования религиозной жизни в конкурентном измерении. Конкурируют товаропроизводители, продавцы товаров, политические партии, конкурируют идеи, в том числе религиозные, конкурируют, наконец, разные деноминации. Это совершенно естественно для демократического общества.

Однако для российской элиты образца 1990-х гг. такая свобода показалась чрезмерной. Другими словами, если многообразие конкурирующих между собой политических партий тогдашняя российская власть в общем и целом приняла как данность (о товарах и услугах даже говорить не стоит), то источником ее представлений об объединяющем начале народной жизни – нынче такие вещи называются национальной идентичностью – продолжал оставаться неплюралистический пример структурирования «духовного пространства» недавнего советского прошлого. Это, в конечном счете, не могло не сказаться на характере формируемых представлений о том, «кто есть мы» и «что есть Россия». В этой области «шаг вправо, шаг влево» и в ту пору, и поныне считаются «побегом». Акционерных обществ или партий может быть много, но идеология должна быть одна. Так, место отечественного изобретения с названием «научный коммунизм» заняло доморощенное православие, которое быстро превратилось в очередное «наше все».

Трансформация религиозного законодательства происходила при активном участии руководства РПЦ. В условиях широкой свободы оно умело сочетало курс на хозяйственную автономию собственной корпорации от государства с активным участием в инициированных государством приватизационных процессах – с охранительными посылами и подчеркиванием особых «государствообразующих» и «культурообразующих» заслуг православия, нарочито неконкретизируемого в плане его юрисдикционной принадлежности. Не забывалось, конечно, и о том, что господствующей и государственной церковью Российской империи, единственной законной правопреемницей которой считает себя РПЦ (с чем

¹ Представления о желаемой хозяйственной автономии от государства формировались церковной корпорацией, что называется, «опытным путем» вследствие послаблений, допущенных советским государством в послевоенный период. Детально нормативная база хозяйственной деятельности РПЦ советского периода освещается Дмитрием Поспеловским (см.: *Поспеловский Д.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 337 и сл.).

согласилось и современное российское государство), исторически была Православная российская церковь, а в советское время ее правопреемница Русская православная церковь стала едва ли не единственной заметной в публичном пространстве, которая со временем начала восприниматься в качестве «своей» – «автохтонной», «неимпортированной» религии в противоположность тем, что управлялись «из-за рубежа». Гласно и негласно такой позиции продолжают придерживаться и светские власти. Наиболее показательное высказывание принадлежит депутату фракции Коммунистической партии Российской Федерации в первом-третьем составах Государственной Думы Российской Федерации, председателю Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций третьего состава Государственной Думы Виктору Зоркальцеву. Перечисляя критерии религиозной «традиционности» в отечественном измерении, он указывал: «Традиционная для России религия – это та религия, которая существует за счет российской паствы, российских ресурсов, имеет российские канонические структуры, российских священников, находится в системе российских законов. И, безусловно, она должна иметь традиции, оставить след в истории государства»².

Одновременно с процессом сближения с «титულიной церковью», верховная власть, особенно остро почувствовавшая во время президентской кампании 1996 г. необходимость в высшем (внеземном и неэлекторальном) источнике собственной легитимности³,

² Данил Щипков. Виктор Зоркальцев: «Религиозная организация – один из наиболее важных институтов гражданского общества, хотя еще и не очень заметный в России»: Интервью portalу «Религия и СМИ» 27 января 2003 г. URL: http://www.religare.ru/2_1574.html (дата обращения 15.05.2022).

³ Николай Митрохин утверждает, что обращение государства к РПЦ произошло даже раньше. Он связывает его также с конкретным событием электоральной истории – неудачей наспех созданных под выборы в Государственную Думу 12 декабря 1993 г. партий либерального толка и одновременно отмечает встречный парадоксальный тренд со стороны руководства РПЦ. «Примечательно, что в период высокой популярности Б. Ельцина в 1991–1992 гг. РПЦ имела наибольшую в своей истории независимость от государства», – указывает исследователь. Однако церковь, по словам Митрохина, «энергично избавилась от ненужной свободы, как только первое лицо государства после фактического проигрыша пропрезидентскими партиями парламентских выборов в декабре 1993 г. обратило внимание на РПЦ, надеясь с ее помощью найти необходимую поддержку в обществе» (*Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Новое литературное обозрение. М.: 2006. С. 240–241).

посредством конструкции нового религиозного закона предприняла попытку вывести религию и так называемую «государство-образующую» церковь из орбиты политических дебатов. И, надо признать, это ей удалось. Вопли и стоны о России, разрываемой на части злокозненными иностранными миссионерами, прекратились, об иноконфессиональном факторе в российской религиозной жизни от выборов к выборам политики вспоминают все реже и реже, а регионы сразу же после принятия профильного федерального закона 1997 г. – еще в конце 90-х – перестали демонстрировать примеры превосходства собственного религиозного законодательства (чаще всего антимиссионерской направленности) над федеральным. Несколько особый случай представляет собой Белгородская область, уже после 1997 г. пошедшая, вопреки наметившейся общей тенденции, на ужесточение собственного антимиссионерского законодательства. Главный результат белгородского эксперимента состоит в том, что ее законодательный опыт не был растиражирован по всей стране, что отличает его от тульского антимиссионерского «почина» образца 1994 г.

Еще Карамзин подметил, что тяжесть закона российского непременно компенсируется необязательностью его исполнения. Несмотря на свою компромиссность, российский религиозный закон 1997 г. оказался все равно жестким. На это, в частности, указывают: не обусловленная внутренними потребностями самих деноминаций и общин централизация религиозных институтов; зафиксированное в преамбуле закона выделение четверки «этнических» вероисповеданий со странным «хвостиком», именуемым христианством; обязательность 15-летнего срока существования для получения статуса юридического лица; придание контрольных функций регистрирующему органу; разделение религиозных общин на «централизованные» и «местные» (с классификационно-правовой точки зрения, вероятно, вполне оправданное), а также «организации» и «группы» и т. п. Но в то же самое время «Закон о свободе совести и о религиозных объединениях», как и большинство современных отечественных законов, не был законом «прямого действия».

В качестве дополнений к нему появились решения Конституционного суда РФ и постановления правительства, размывавшие скалы казавшихся незыблемыми формулировок закона. Так, принятие подзаконного акта, регулирующего деятельность иностранных миссионеров в масштабе государства, повлекло за собой отмену «пионерского» антимиссионерского регионального закона в Тульской области, что, кстати, сделали сами депутаты местного законодательного собрания, резонно посчитав: раз уж документ появился на федеральном уровне, то, значит, отпала

необходимость в регулировании этой сферы на уровне субъектов Федерации.

В итоге правительственные документы, как и разъяснения Конституционного суда, принятые «вдогонку» федеральному религиозному закону 1997 г., позволили если не вернуться на исходные позиции, то, определенно, выправить ситуацию. Более того, в отличие от 1994–1997 гг. стало, скажем, куда понятнее, каким формальным критериям должны отвечать документы верующих, претендующих на соискание статуса юридического лица или, например, чего категорически не могут делать чиновники, а именно: давать отказы по причине «нецелесообразности». Порой, кажется даже, что наличие столь прямого указания в ту пору отбило у столоначальников охоту заниматься пристальным контролем над деятельностью религиозных организаций. Вместе с тем само обладание юридическим статусом (именно этой процедуре, как уже указывалось выше, по существу посвящены религиозные законы и 1990-го, и 1997 гг., а остальные вопросы прописываются в них пунктиром) не прибавляет религиозным общинам «нетитульных церквей» реального равноправия. Поэтому в том, чтобы концепция закона сохранялась как можно дольше, оказались заинтересованными и государство, и, как это ни покажется странным, руководство «нетитульных» деноминаций.

Для государства неизбежность религиозного закона служила на тот момент демонстрацией общественной стабильности и одновременно способом контроля над амбициями РПЦ. При всей дружелюбности государства с корпорацией «титутельной церкви» последняя рассматривается властями, мыслящими все же по управленчески утилитарно, в качестве одного из «непрофильных активов», – в одной «корзине» с образованием, здравоохранением, культурой и прочей «социалкой», требующей систематических и постоянных вложений. Действительно, «титутельная» церковь доступными ей способами, как и бюджетные отрасли, требует от государства бюджетных вливаний⁴. Впрочем, это обстоятельство не мешает власти апеллировать к религиозному (православному) наследию России в качестве образца идеологического национального единства.

«Нетитутельные» же деноминации, следуя как духу, так и «букве закона» 1997 г., вряд ли могут рассчитывать на расширение своих

⁴ Можно перечислить попытки РПЦ замкнуть на себя финансируемые из бюджетов разных уровней программы по изучению русского языка и культурной адаптации прибывающих в Россию иностранцев, реабилитации нарко- и алкоголезависимых, обучения и досуга в формате дополнительного образования муниципальных детских садов и школ.

прав со стороны государства. Самим приблизить религиозный закон к нормам Конституции, т. е. либерализовать его, у них нет сил: российское общество, вполне комфортно чувствующее себя в режиме «захожанства», остается совершенно глухим к запросам и проблемам «инакововерующих» соотечественников.

Тенденция очевидна: концепция закона уже без малого четверть века остается неизменной, тогда как реальная религиозная деятельность обрастает всевозможными, порой даже куда более важными требованиями, предъявляемыми к гражданам со стороны государства. Хотя эти требования, как говорится, «из другой оперы» – это формирование единого реестра юридических лиц; изменение налогового законодательства; принятие базового анти-экстремистского пакета законов и нормативных актов, регулярно пополняемого многочисленными к нему дополнениями; нормативы по таможенному оформлению ввозимой из-за рубежа печатной продукции; возвращение регистрационных функций снова Министерству юстиции после кратковременной их передачи по ведомству Росреестра. Наконец, введение уголовного наказания «за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» (формулировка новой, образца 2013 г., редакции части 1 статьи 148 Уголовного кодекса).

Можно отвечать всем требованиям закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», но при этом «проколоться» на не вовремя поданной налоговой декларации. Объяснить живущему в России нормальному человеку, не ведущему полноценной экономической деятельности, что он обязан сдавать бесконечные отчеты, попросту невозможно. Да и составление деклараций – задача довольно сложная даже для обладателей дипломов о высшем образовании.

Поэтому из-за сложившегося двойственного положения, когда религиозную деятельность *de-facto* уже регулируют по большей части непрофильные законы, в Государственной думе подолгу могли лежать без движения различные поправки, не меняющие сути религиозного закона. Администрация президента и правительственный аппарат, а вместе с ними и нынешняя партия власти, явно не желают выпускать джинна раздора, очевидно, памятуя опыт первой и второй постсоветских Госдум: на волне дискуссий, скорее всего, вновь заявит о своих «сверхдолжных» претензиях Московская патриархия, найдутся и политики, готовые поработать «глоткой, а может и чем-то еще» на патриотическом поле.

Испытания «на прочность» завершены, значит, они продолжатся.

Самое существенное и резонансное из изменений российского религиозного закона, произошедшее в 2015 г., связано с отменой 15-летнего «испытательного срока» для получения юридического лица сообществами верующих с неопределенным статусом религиозных групп. Как уже было сказано выше, «испытательная» норма была введена в правовой оборот законом 1997 г. и вызвала едва ли не наибольшую критику ввиду откровенно дискриминационного характера формулировки. С учетом предшествующего периода актуализировался болезненный для многих верующих вопрос доказательств существования их общин, поскольку религиозная жизнь нередко проходила в условиях подполья или полуподполья, что вынуждало людей не оставлять документальных сведений, которые в новых условиях признавались бы безоговорочно достоверными. Правда, с учетом содержащихся в подзаконных актах и решениях судов разъяснений, подавляющее большинство сообществ «без истории» (на самом деле, довольно часто лишь с устным внутренним «преданием») все же смогли при желании пройти перерегистрацию – либо руководствуясь юридическим принципом «закон не имеет обратной силы», так как они были зарегистрированы по предыдущему закону, не знавшему подобной нормы, либо путем вхождения – нередко номинального – в состав централизованных, как правило, всероссийских объединений.

Поэтому число «религиозных групп» – реальных претендентов на получение статуса «юридического лица», которые существовали бы все первые 15 лет действия закона 1997 г. в статусе религиозной группы, – достоверно неизвестно. Никакой официальной статистики Министерство юстиции Российской Федерации на сей счет не обнародовало. Не исключено, что таковых групп даже не существовало вообще, поскольку постоянно заявлять о своей деятельности на протяжении полутора десятилетий технически довольно сложно. К тому же «юридическое лицо», в силу усложнившейся отчетности, неопределенности статуса для «нетитульных» вероисповеданий и юрисдикций, сформированности конфессионального ландшафта России и, наконец, необязательности осуществления религиозной деятельности без регистрации, перестало быть сколь-нибудь ценностно-значимой целью или, на худой конец, даже призом для законопослушных граждан.

Более того, за прошедшие годы расширилось понимание «религиозной группы». Согласно официальным годовым отчетам, относящимся уже к 2010-м гг., правящих архиереев Воронежской и Саратовской митрополий РПЦ, соответственно, митрополитов Сергия (Фомина) и Лонгина (Корчагина), в структуре подчиненных им епархий существуют религиозные группы без регистрации (как правило, в отдаленных селах). Таким образом, даже

иерархизированные в своем внутреннем устройстве централизованные религиозные организации в условиях усилившегося контроля государственных структур за деятельностью юридических лиц перестали гнаться за статистикой превосходящих показателей путем присвоения всем своим низовым подразделениям статуса юридического лица.

Отмена положения о 15-летнем «испытательном сроке» объяснялась исполнением конкретного решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 2009 г. по делу «Кимля и др. против Российской Федерации». Евгений Кимля и Айдар Султанов – члены Церкви саентологии из разных регионов России оспорили в российских судебных инстанциях и, параллельно, в Страсбурге полученные ими на местах однотипные отказы в регистрации местных религиозных организаций со ссылкой на необходимость представить доказательства 15-летнего существования общин. Весьма показательно в свете высказанных выше выводов то обстоятельство, что законопроект об отмене 15-летнего срока рассматривался Государственной Думой на протяжении всего 2014 года – 7 октября 2014 г. он прошел стадию первого чтения, а принят был только в июле 2015-го.

Изменение нормы национального российского законодательства, признанной Европейским судом нарушающей гражданские права, является прецедентным случаем. В юридической практике России решения ЕСПЧ, принятые в пользу граждан, не влекут за собой точечных изменений правовых норм, которые стали причиной дискриминационных действий властей. Все обычно ограничивается выплатой денежной компенсации пострадавшим, на что неоднократно в своих публичных выступлениях обращал внимание бывший руководитель Отдела защиты свободы совести Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Михаил Одинцов (для справки: соответствующий отдел упразднен в 2015 г). Тому, как нам представляется, существует довольно простое объяснение: среди жалоб россиян в Европейский суд есть те, которые относятся к сфере избирательного законодательства, а его, в свою очередь, на уровне верхних эшелонов власти России принято считать едва ли не незыблемой основой национального суверенитета. И это учитывая изменчивость норм, регулирующих электоральный процесс⁵.

⁵ Обслуживавший Кремль политтехнолог и руководитель «Фонда эффективной политики» Глеб Павловский в одном из своих интервью прямо называет электоральную природу страхов российской политической системы постсоветского образца. «Управляемая демократия защищала от главного внутреннего врага системы, а именно – от массового

Однако отмена 15-летнего «испытательного срока» предусматривает установление, – очевидно, с учетом предшествующего управленческого опыта – более приемлемого для контролируемых групп. При этом регистрация для сообществ верующих, не имеющих «охранных грамот» от централизованных «зонтичных» структур, превратилась в обязательную процедуру. Но и здесь практические разъяснения, на самом деле крайне важные, законодатель дал лишь 6 лет спустя: «Уведомление о начале деятельности религиозной группы и уведомление о продолжении деятельности религиозной группы составляются по формам, утвержденным органом, уполномоченным принимать решение о государственной регистрации религиозной организации» (ФЗ № 68 от 05.04. 2021 г.). Это следует понимать как «то, что было прежде – нынче не в счет»?

Иными словами, произошедшие изменения закона вряд ли можно признать согласующимися с целью социализации таких «особых» верующих и их сообществ. Но ведь именно этого российские граждане добивались в инстанциях национальных судов и ЕСПЧ. Короче, тот случай, когда говорят, «гора родила мышь».

Информация об авторе

Михаил А. Жеребятьев, кандидат философских наук, Международный институт гуманитарно-политических исследований, Москва, Россия; 103009, Москва, Россия, Газетный пер, д. 5, zher-mikhail@yandex.ru

Information about the author

Mikhail A. Zherebiatov, Cand. of Sci. (Philosophy), International Institute of Humanitarian and Political Studies, Moscow, Russia; bld. 5, Gazetny Line, Moscow, Russia, 103009, zher-mikhail@yandex.ru

избирателя». Технологически, по словам Павловского, «надо было локализовать массового избирателя в определенном типе поведения между выборами и во время выборов, и это было достигнуто» (Иван Давыдов. Глеб Павловский: «Путин воюет с будущим в любом варианте»: интервью 25 декабря 2014 г. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1756088> (дата обращения 15.05.2022)).

УДК 322

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-112-123

История государственно-конфессиональных отношений в России

Михаил И. Одинцов

*Российский государственный архив социально-политической истории,
Москва, Россия, rgaspi@inbox.ru*

Василий К. Пинкевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, titla@yandex.ru*

Аннотация. Программа курса «История государственно-конфессиональных отношений в России» посвящена рассмотрению важнейшего аспекта внутренней политики государства – взаимоотношению с религиозными организациями. На историческом и современном материале авторы рассматривают сущность и эволюцию государственно-религиозных отношений, принципы и содержание вероисповедной политики государства, этапы становления и развития отношений между институтами государства и конфессиональными организациями.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения в России, вероисповедные реформы, модели государственно-конфессиональных отношений, этапы и принципы государственно-конфессиональных отношений

Для цитирования: Одинцов М.И., Пинкевич В.К. История государственно-конфессиональных отношений в России // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 112–123. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-112-123

History of state-confessional relations in Russia

Mikhail I. Odintsov

*Russian State Archive of Socio-Political History,
Moscow, Russia, rgaspi@inbox.ru*

Vasily K. Pinkevich

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, titla@yandex.ru*

Abstract. The program of the course “History of state-confessional relations in Russia” is devoted to the consideration of the most important aspect of the internal policy of the state – the relationship with religious organizations. Based on the historical and present-day material, the authors consider the essence and evolution of state-religious relations, the principles and content of the religious policy of the state, the stages of formation and development of relations between state institutions and confessional organizations.

Keywords: state-confessional relations in Russia, religious reforms, models of state-confessional relations, stages and principles of state-confessional relations

For citation: Odintsov, M.I. and Pinkevich, V.K. (2022), “History of state-confessional relations in Russia”, *Studia Religiosa Rossica: scientific journal about religion*, no. 3, pp. 112–123, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-3-112-123

Российское государство испытывает острую потребность в современной модели государственно-конфессиональных отношений. Эта модель должна отвечать российским традициям, не выглядеть чужеродным, навязываемым извне элементом внутренней политики. Отсюда необходимость востребования многовекового российского опыта разрешения «религиозного вопроса», осмысления достоинств и недостатков исторических моделей государственной вероисповедной политики.

Предлагаемый слушателям академии курс «История государственно-конфессиональных отношений в России» преследует цель, опираясь на разнообразный и многоаспектный исторический и современный социально-политический, правовой, религиозно-ведческий материал, дать обобщенное представление о сущности и эволюции государственно-конфессиональных отношений и их роли в политической истории России; о принципах, содержании и итогах вероисповедных реформ, проводившихся в различные периоды отечественной истории; об основных этапах развития отношений между институтами государства и конфессиональными организациями.

*Тема: Государство и церковь в Древней Руси
(X – первая половина XIII в.)*

Основные сферы взаимоотношений государства и церкви как социальных институтов. Основные документы и памятники права по истории государственно-конфессиональных отношений в России.

Место и роль церкви в политической жизни Киевской Руси: идеологическое обеспечение княжеской власти, миротворческая функция в междоусобных конфликтах, дипломатическая миссия. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона как церковно-политический документ.

Памятники древнерусского права об имущественном и правовом положении церкви. Источники материального обеспечения церкви: древнерусская десятина, собственность на землю, служба мер и весов и др. Судебные права и привилегии церкви. Столкновение и размежевание церковной и светской юрисдикций.

*Тема: Русское государство и церковь
в период феодальной раздробленности
и монголо-татарского ига*

Распад Древнерусского государства на удельные княжества. Геополитические и экономические последствия для Руси монгольского завоевания. Организация власти и управления под контролем Золотой Орды. Изменения в структуре и организационном устройстве Русской церкви. Политика монгольских ханов в отношении к церкви: веротерпимость, экономические привилегии, судебно-правовой иммунитет.

Развитие взаимоотношений светской и церковной власти в процессе политической консолидации Северо-Восточной Руси и усиления борьбы против монгольского ига. Попытки ограничения экономических привилегий и юрисдикции церкви со стороны великих князей накануне и после свержения монгольского ига.

*Тема: Государственно-церковные отношения в России
в XVI–XVII вв.: эпоха противоречий и конфликтов*

Роль церкви в формировании Русского централизованного государства. Великие московские князья и вопрос о церковной земельной собственности. Иван III и его церковная политика. Церковные и земские соборы в 40–50-х гг. XVI в. – арена борьбы интересов светской и церковной властей. Церковная политика Ивана IV. Стоглавый собор (1551 г.). Государство и церковь в годы опричнины (1565–1572 гг.). Вопрос о монастырском и церковном землевладении и других привилегиях церкви на церковных соборах 80-х гг. XVI в.

Роль светской власти в учреждении патриаршества в России. Государство и церковь в Смутное время. Соборное уложение 1649 г. Ограничение судебных и административных прерогатив церкви. Монастырский приказ (1650–1667 гг.). Церковная реформа 50-х гг. XVII в. «Дело» патриарха Никона. Церковный собор 1666–1667 гг., дискуссия о приоритете светской и духовной властей.

Семинар: Правовые основы взаимоотношений государства и церкви в средневековой России

1. Княжеские уставы как правовая основа имущественного положения и юрисдикции церкви в Древнерусском государстве.

2. Стоглавый собор (1551 г.): борьба и компромиссы между светской властью и церковью в вопросах собственности и судебных прерогатив.

3. Соборное уложение 1649 г. – новый этап в развитии взаимоотношений Российского государства и Православной церкви.

Тема: Государство и церковь в период преобразований Петра I

Ускорение процесса огосударствления церкви. Наступление государства на имущественные и судебные права и привилегии церкви. Восстановление Монастырского приказа. Введение коллегиального принципа единоначалия в высшем церковном управлении. «Духовный регламент». Святейший синод. Учреждение института обер-прокуратуры

Тема: Церковная политика в эпоху Екатерины II и Николая I

Проблема секуляризации церковно-монастырской собственности. Манифест Екатерины II о секуляризации духовных владений (1764 г.). Правительственная программа регламентации имущественного и правового положения православного духовенства. Свод законов Российской империи о положении Православной церкви и духовенства. Политика царизма в отношении инославных и иноверных исповеданий.

Тема: Государство и церковь в эпоху Великих реформ (1860–1870 гг.)

Внутрицерковные изменения. «Сугубое» министерство. Государственная политика в сфере образования; церковно-приходские школы. Уставы духовных училищ, семинарий и академий.

Возникновение церковной прессы. Либерализация вероисповедной политики. Закон о старообрядцах 1883 г.

Тема: Церковная политика императорского правительства в конце XIX – начале XX в. и законодательство Российской империи о положении и деятельности религиозных объединений

Вероисповедная политика государства и отношение к ней религиозных организаций и российского общества. Основные правовые акты, определяющие положение и регламентирующие деятельность религиозных организаций. Господствующая церковь, терпимые и запрещенные организации в России. Деятельность обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Официальная позиция и общественное мнение о религиозных свободах в стране. Концепции христианского и светского государства.

Семинар: Религиозные организации в пореформенной России: правовые основы деятельности, общая оценка состояния, роль и место в обществе

1. Контрреформы 80-х гг. XIX в. и Русская церковь.
2. Свод законов Российской империи о положении Православной церкви, инославных и иноверных исповеданий.
3. Изменения в законодательстве о «раскольниках» и «сектантах».
4. Устав Духовных консисторий (1883 г.).

Тема: Вероисповедные реформы в России в начале XX в.

Попытки Николая II в 1902–1904 гг. реформировать религиозное законодательство. Особое совещание под председательством С.Ю. Витте и проблемы вероисповедных реформ. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) и Манифест 17 октября 1905 г. об утверждении в России начал свободы совести. Подготовка новой редакции Основных законов Российской империи (1906 г.) и дискуссии о правовом закреплении принципа свободы вероисповеданий и свободы совести; главы «О вере» и «О правах и обязанностях подданных».

Политические партии России и отражение в их программных документах вопросов о свободе совести и вероисповеданий, о путях реформирования вероисповедной политики государства.

Разработка законов о Государственной думе и Государственном совете (1905–1906 гг.), обсуждение возможных форм участия в их работе представителей религиозных организаций.

Семинар: Государство и религиозные организации в России в период Первой русской революции

1. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.: принципы и содержание.

2. Конституционная реформа С.Ю. Витте и ее влияние на государственно-конфессиональные отношения в России.

3. Православная церковь и вероисповедные реформы правительства. Предсоборное присутствие 1907 г.

4. Программные документы политических партий о свободе совести и вероисповеданий.

Тема: Вероисповедные вопросы в Первой и Второй Государственной думе

Первая Государственная дума и «религиозный вопрос». Кадетская партия и предлагаемый ею законопроект «О свободе совести».

Правительство и Министерство внутренних дел о положении религиозных организаций и о необходимости реформирования религиозного законодательства. Характеристика основных вероисповедных законопроектов правительства, представленных в Государственную думу. Правительство П.А. Столыпина и вероисповедные реформы.

Вторая Государственная дума и обсуждение правительственных вероисповедных законопроектов. Фракции Государственной думы, политические партии и общественные организации о свободе совести и вероисповеданий в Российской империи.

Тема: Борьба за вероисповедные реформы в Третьей и Четвертой Государственной думе

Обсуждение и борьба вокруг правительственных законопроектов об отмене политических гражданских ограничений, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана; о старообрядческих общинах; о переходе из одного вероисповедания в другое в заседаниях Третьей Государственной думы (1907–1912 гг.).

Вероисповедные вопросы в деятельности Четвертой Государственной думы (1912–1917 гг.). Деятельность Комиссии Государственной думы по вопросам положения религиозных организаций в России и их отношение к внесенным правительством вероисповедным законопроектам.

Государственный совет (1906–1917 г.) о религиозной ситуации в стране и о возможных путях реформирования религиозного законодательства. Государственный совет и его отношение

к думским вероисповедным законопроектам. Святейший синод, инославные и иноверные религиозные организации о содержании и направленности реформ религиозного законодательства.

*Тема: Вероисповедная политика
Временного правительства России
(февраль-октябрь 1917 г.): в поисках нового статус-кво
в государственно-конфессиональных отношениях*

Место вероисповедного вопроса во внутренней политике Временного правительства. Кадетская партия о концепции светского, внеконфессионального государства и о политике «культурного сотрудничества» государства и религиозных организаций.

Основные законодательные акты (декреты) по проблемам свободы совести и вероисповеданий: «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», «О свободе совести». Основные нормативные акты, регулирующие положение в России католических, униатских, старообрядческих, протестантских, мусульманских объединений.

Обер-прокурор Святейшего синода В.Н. Львов и его деятельность в области становления новых государственно-конфессиональных отношений. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Отношение политических партий, религиозных организаций, верующих, представителей различных социальных слоев общества к вероисповедной политике Временного правительства. Начало работы Поместного Собора РПЦ.

*Семинар: Законодательство о свободе совести
и вероисповеданиях в Российской империи (начало XX в.)
и в послефевральский период: сравнительный анализ*

1. Российская империя в начале XX в. как тип клерикального (конфессионального) государства: идеология, право, организационно-управленческие структуры.

2. Дискуссии и борьба в российском обществе по вопросам вероисповедных реформ (1900–1917 гг.).

3. Реализация принципов и положений светского государства практической деятельности Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 г.).

*Семинар: Советское законодательство
о религиозных культах (1917–1938 гг.)*

1. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»: история создания и основные положения.

2. VIII отдел Наркомюста РСФСР (1918–1924 гг.) и его деятельность по практической реализации принципа отделения Церкви от государства.

3. Вероисповедная политика Советского государства в 1924–1929 гг. (ВЦИК, НКВД, ОГПУ, Секретариат по делам культов).

4. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (8.04.1929 г.) как правовая основа государственно-конфессиональных отношений.

5. Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (1929–1934 гг.).

6. Постоянная комиссия по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР (1934–1938 гг.).

Тема: Государственная политика в сфере свободы совести в СССР в 1939–1958 гг.

Состояние и деятельность религиозных организаций в СССР накануне войны. Вероисповедная политика государства в Прибалтике и Молдавии, в Западной Украине и Белоруссии. Патриотическая деятельность религиозных организаций. «Религиозный вопрос» на оккупированных территориях Советского Союза.

Встреча И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви в сентябре 1943 г. Образование Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР (1943 г.), и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР (1944 г.). Постановления и иные нормативные акты СНК СССР, регулирующие деятельность религиозных организаций. Воссоздание и организация всесоюзных центров мусульман, евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, старообрядцев, армяно-григориан и др. Распад обновленческой Православной церкви. Деятельность греко-католической (униатской) церкви на территории Западной Украины. Львовский собор (1946 г.).

Характер и особенности государственной религиозной политики в западных регионах СССР. Формирование союзно-республиканской системы «по делам религий».

Дискуссия в руководстве КПСС о содержании и реформировании государственной вероисповедной политики. Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению» (7.07.1954 г.) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (11.11.1954 г.).

Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по сохранению статус-кво в религиозной ситуации в стране.

Г.Г. Карпов и И.В. Полянский и их позиция в вопросах нормализации государственно-конфессиональных отношений. Встреча Н.С. Хрущева с патриархом Алексием (1958 г.)

Тема: Законодательство о свободе совести и религиозных объединениях в 60-х – начале 80-х гг.: сущность и основные тенденции эволюции

Постановления правительства СССР, направленные на ограничение деятельности религиозных организаций. Инструкция Совета по делам Русской православной церкви по применению законодательства о религиозных культурах (1961 г.).

Проведение и итоги единовременного учета зарегистрированных и незарегистрированных религиозных организаций в СССР (1961–1962 гг.). Всесоюзные совещания уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов. Состояние основных конфессий в СССР в годы «хрущевской оттепели».

Образование Совета по делам религий при СМ СССР (1965 г.). Его права и основные направления деятельности. Постановления СМ СССР и СМ союзных республик, нормативные акты союзных и республиканских министерств и ведомств, регулирующие положение и деятельность религиозных объединений, обеспечивающие контроль за соблюдением норм уголовного и административного права в части ответственности за нарушение законодательства о культурах.

Указ Президиума ВС РСФСР «Об изменениях и дополнениях постановления ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях» (1975 г.). Законодательные акты о религиозных объединениях, принятые в союзных республиках в 1975–1977 гг. Конституции СССР и РСФСР (1977, 1978 гг.) о свободе совести.

Правозащитное движение в СССР о положении религии и верующих.

Тема: Государственно-конфессиональные отношения периода перестройки и гласности. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях»

Кризис советской модели государственной вероисповедной политики. КПСС в поисках нового идеологического подхода к вопросам свободы совести и вероисповеданий. Религиозная ситуация в СССР и в союзных республиках. Взаимоотношения высших партийных и государственных органов власти и управления с религиозными объединениями.

Деятельность Совета по делам религий при СМ СССР, республиканских Советов по делам религий, аппаратов уполномоченных и уполномоченных в республиках, краях и областях.

Дискуссии вокруг реформы законодательства о культах. Расширение сферы деятельности религиозных организаций. Встреча Президента СССР М.С. Горбачева с патриархом Пименом (1988 г.). Празднование тысячелетия крещения Руси и проведение других юбилейных дат, связанных с историей российских конфессий (ислам, католицизм, старообрядчество, протестантизм).

Обсуждение законопроекта «О свободе совести и религиозных организациях» на заседаниях съездов народных депутатов СССР и в Верховном Совете СССР. Основные принципы и содержание закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1990 г.).

Семинар: Основное содержание и направленность вероисповедной политики в РСФСР (Российской Федерации) в 1985–1990 гг.

1. «Религиозный вопрос» в деятельности органов государственной власти и управления в СССР и РСФСР.

2. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1990 г.).

3. Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.).

Тема: Государственно-конфессиональные отношения в постсоветский период

Новая политика государства в религиозном вопросе. Принятие Конституции 1993 г. Политический кризис 1993 г. и его влияние на государственно-конфессиональные отношения. Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС) и идеологизация государственно-конфессиональных отношений в России. Изменение политики государства в религиозном вопросе. Запрет Свидетелей Иеговы, запрет Церкви Последнего Завета и Церкви Саентологии. Перспективы развития государственно-конфессиональных отношений в России

Семинар: Основное содержание и направленность вероисповедной политики в Российской Федерации в постсоветский период

1. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.: противоречие с Конституцией. Общественная дискуссия о законе.

2. Изменение религиозного законодательства. Закон «О противодействии экстремистской деятельности» (2002).
3. Закон об оскорблении чувств верующих (2013).
4. Закон Яровой о миссионерской деятельности (2016).

Источники

- Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.
- Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.
- Атлас современной религиозной жизни России. Т. 3 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.
- Вороцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е.* Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81–91.
- Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. Ч. 2. М.: РАГС, 1995. 193 с.
- История религий в России: Учебное пособие. М.: РАГС, 2004. 690 с.
- Лапки В.В.* Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 140 с.
- Ключков В.В.* Закон и религия: От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982. 160 с.
- Лункин Р.* «Проправославный консенсус» в России: вера и неверие // Современная Европа. 2008. № 1 (33). С. 139–144.
- Лункин Р.Н.* Церкви в политике и политика в церквях. М.: ИЕ РАН, 2020. 503 с.
- Одинцов М.И.* Русская православная церковь в XX веке. М.: ЦИНО, 2020. 310 с.
- Пинкевич В.К.* Вероисповедные реформы в России в период Думской монархии (1906–1917 гг.). М.: РАГС, 2000. 209 с.
- Пинкевич В.К.* Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 22. № 4. 2020. С. 647–664.
- Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 510 с.
- Полунов А.М.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 140 с.
- Пчелинцев А.В.* Светскость государства как конституционно-правовая гарантия реализации свободы вероисповедания // Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н. Свобода совести в современной России. М.: Региональная общественная организация содействия просвещению граждан, Информационно-аналитический центр «Сова», 2017. С. 71–88.
- Филатов С.Б.* Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности: РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж

секулярного мира / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–41.

Чемикосова Т.А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Казань: КГУ, 2007. 29 с.

Информация об авторах

Михаил И. Одинцов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15, rgaspi@inbox.ru

Василий К. Пинкевич, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, titla@yandex.ru.

Information about the authors

Mikhail I. Odintsov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia; bld. 15, B. Dmitrovka St., Moscow, Russia, 125009; rgaspi@inbox.ru

Vasily K. Pinkevich, Dr. of Sci. (History), professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; titla@yandex.ru

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 29.08.2022

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 6,5. Усл. печ. л. 7,8

Тираж 1050 экз. Заказ 1556

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru